

Борис Гладарев

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДРУЖБЫ: ПЕРСПЕКТИВА СЕТЕВОГО ПОДХОДА

ВВЕДЕНИЕ

Социальносетевой подход пока не превратился в единую парадигму, его приверженцы часто опираются на отличные концепции и методы, поэтому сетевой анализ можно считать скорее «свободной федерацией подходов» (Burt, 1980:131). Дискуссии о контексте, в котором можно применять термин «социальная сеть», еще продолжаются в гуманитарной науке.

В российском социологическом дискурсе социальносетевой подход стал обсуждаться и применяться относительно недавно. После публикаций нескольких переводных работ (Рона-Тас, 1999; Уэллман, 2000) появились интересные и разноплановые статьи отечественных авторов (Штейнберг, 1999; Валитов, 2000; Чураков, 2001; Барсукова, 2000, 2003; Тартаковская, 2004а, 2004б и др.). В этих работах метафора социальных сетей рассматривалась из разных перспектив, при этом складывание различных подходов в общую парадигму наталкивается на теоретические ограничения, поскольку у авторов отсутствует единство даже в отношении определения понятия «социальная сеть».

Если отталкиваться от семантического определения, данного в словаре Ожегова, то можно сказать, что сеть могут составлять как одушевленные, так и неодушевленные агенты. Ее могут образовывать как предметы (например, телефоны), так и институты («торговая сеть»). Также она может быть образована и людьми (Ожегов, 1984: 636). Социологическое понятие «сеть», в первую очередь, подчеркивает горизонтальный тип связей между социальными агентами. Сетевой подход теоретически противопоставляется стратификационным подходам, где актуализируется вертикальный тип социальной организации. Если отбросить оттенки значений, которые появляются в определении социальной сети у разных авторов, и выделить

общие для всех определений основания, то сеть можно представить как форму связи между горизонтально расположенными социальными агентами. То есть под социальной сетью мы, вслед за Берковицем и Уэллманом, понимаем «множественность точек (или членов социальной системы) и совокупность связей изображающих взаимосвязь этих точек» (Berkowitz, Wellman, 1988: 4).

Социальная сеть может быть рассмотрена как целая (whole network), где «описываются полные структуры ролевых отношений в социальной системе» (Berkowitz, Wellman, 1988: 26), то есть рассматриваются одновременно сети целого сообщества, ограниченного общед, часто формальной рамкой, например межличностные связи сотрудников кафедры социологии. Как whole network может рассматриваться и общество в целом. То есть «целая сеть» — это множественность точек и связей между ними, ограниченные формальной институциональной рамкой. Существует представление о социальных сетях, которое отталкивается не от институциональных рамок, а от перспективы одного социального актора. Подобный тип сети называется персональной (у некоторых авторов — «эгоцентрической») сетью (personal network). Она описывает «актора и акторов, с которыми он или она имеет взаимоотношения, и связь между этими акторами» (Berkowitz, Wellman, 1988:1448). Такая сеть графически напоминает множество веерообразно расходящихся из одной точки (персоны) отрезков (связей) заканчивающихся множеством точек (агенты персональной сети). Именно персональная сеть будет лежать в основе предлагаемого в статье анализа. То есть сначала мы будем понимать сеть как совокупность личных связей одного человека с другими людьми из своего повседневного окружения («альтерами социальной сети»). Такая сеть ограничивается неформальными рамками личных связей только одного актора. Аналитически персональная сеть может делиться на ряд сегментов, например групп абонентов в записной книжке мобильного телефона: семья, друзья, работа и т. п. В ходе работы по определению основных сегментов социальных сетей, мы опирались на категории и группы, воспроизводимые самими информантами. Особое внимание уделялось дружескому сегменту персональных сетей.

Статья состоит из двух основных частей. Первая часть посвящена анализу общей композиции и выделению основных сегментов социальных сетей молодых людей, проживающих в Петербурге, после чего внимание фокусируется на практиках повседневной коммуникации в сетях информантов и в результате выделяются специфич-

ческие особенности взаимодействия с различными сегментами социальных сетей: с друзьями и приятелями, с родственниками и коллегами. Задача первой части статьи состоит в разрешении вопроса: чем дружеский сегмент социальной сети отличается от других сегментов, выделенных нашими информантами? В результате мы сможем определить основные характеристики тех социальных отношений, которые информанты обозначали как «дружеские».

Вторая часть статьи посвящена глубинному анализу практик взаимодействия в дружеском сегменте социальных сетей петербургской молодежи. Кроме того, вторая часть опирается на расширенное понимание персональной сети. Основываясь на подходе, сформулированном в работах Бруно Латура, мы включим в социальное взаимодействие вещи и посмотрим на примере дружеских сетей, как функционируют гетерогенные сети людей и вещей, что в результате позволит дать социологическое определение дружеским отношениям исходя из практик взаимодействия между друзьями в «дружественной» предметной среде.

Объектом данного исследования являются молодые (от 20 до 30 лет) жители крупного российского города. Изучая их социальные сети, мы обращаем внимание на практики взаимодействия в разных сегментах социальной сети, при этом дружеский сегмент лежит в центре проводимого анализа.

Эмпирической базой для этого текста послужило исследование, проведенное в 2003-2004 годах, где анализировались практики повседневного пользования информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ) в молодежных сетях жителей Петербурга.¹

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ: ДРУЖЕСКИЙ СЕГМЕНТ ОТНОШЕНИЙ

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Данные были собраны в рамках исследовательской стратегии множественного кейс-стади, суть которой состоит в детальном изучении нескольких максимально отличающихся друг от друга случаев (Strauss, 1987). Всего было проанализи-

¹ Исследование было поддержано компаниями Telenor (Норвегия) и France Telecom (Франция).

зировано 14 случаев. Кейс-стади включало в себя слабоструктурированное интервью, спровоцированный дневник недельной коммуникации и лейтмотивное интервью по материалам заполненного дневника и записной книжки мобильного телефона.

Первое слабоструктурированное интервью было сфокусировано на практиках повседневного общения и роли средств дистанционной коммуникации в обыденной жизни информантов. Большой блок первого интервью был посвящен биографии интервьюируемого, что позволило детально описать индивидуальный профиль каждого случая. После интервью информант получал формы дневника и подробные инструкции по его заполнению (см. схему 1). Форма дневника представляла собой таблицы, в которых информант должен был в течение недели фиксировать все значимые контакты, отмечать время, продолжительность, место и содержание контакта.

Затем для каждого отдельного случая разрабатывался гид второго лейтмотивного интервью, который включал темы, упущенные в первом интервью и вопросы, возникающие из первичного анализа дневника. Второе интервью давало возможность обсудить особенности повседневного взаимодействия, предметно фокусируясь на каждой из отмеченных в дневнике ситуаций.

Кроме того, вторая часть этого интервью представляла собой рассказ информанта о своей социальной сети. Опираясь на вопросы интервьюера и данные своей телефонной книжки из памяти мобильного телефона, информант отвечал на вопросы об альтерах, с которыми он общался в течение недели. Затем вспоминал людей, которые не вступали с ним в контакт за период заполнения дневника, но являются «важными» агентами его персональной сети, и, наконец, обращался к электронной памяти своего телефона.

В ходе второго интервью каждый информант заполнял специально форму, где отмечал основную информацию о членах своей персональной сети: имя, возраст, пол, профессию, место жительства, место рождения, продолжительность знакомства, место и контекст первой встречи, цепочку, если знакомство состоялось через третьих лиц, природу отношений и близость отношений (см. схему 2). Причем рассказ информанта, сопровождающий записи в вышеуказанную форму, фиксировался на диктофон. Характеризуя свои отношения с членами своей персональной сети, информанты высказывались о своем понимании «дружбы», «родства», «приятельских отношений» и «отношений с коллегами». Интерпретация

этих данных позволила нам, с одной стороны, получить дискурсивные материалы о дружеских, родственных, приятельских и коллегиальных связях и, с другой стороны, сравнить с ними обширные данные недельных дневников, где фиксировались практики осуществления этих связей.

В заключение интервью информант заполнял схему «кругов близости», где самые близкие альтеры его сети схематически находились рядом с ним, а наименее близкие на периферии (см. схему 3). Эти данные позволили в дальнейшем соотнести субъективную «близость» с пониманием дружбы и практиками ее бытования в персональных сетях.

В результате применения описанной выше методологии, были получены уникальные данные о композиции социальных сетей молодых жителей Петербурга, а также о практиках их повседневного взаимодействия.

ОПИСАНИЕ ДАННЫХ

Эмпирические материалы составляют два взаимодополняющих массива: глубинные интервью и «дневники повседневной коммуникации». То есть собраны, с одной стороны, дискурсивные материалы о режиме повседневного общения, содержащиеся в глубинных интервью, а с другой — информация о практиках повседневной коммуникации, зафиксированная в недельных дневниках.²

Анализ ограничивается 14 случаями. Семь девушек и семь юношей в возрасте от 20 до 30 лет, приняли участие в исследовании. Их жизненные проекты значительно отличаются по многим параметрам. В исследовании участвовали люди с доходом от 100 (случай 4) до 1000 долларов (случаи 2 и 5), с образованием от среднего (случаи 2, 4, 8 и 11) до поствузовского (аспиранты — случаи 6, 9, 10), коренные жители Петербурга (случаи 1, 3, 4, 5, 7, 8, 11) и мигранты (случаи 2, 6, 9, 10, 12, 13, 14), студенты и домохозяйки, программисты и профессиональные спортсмены. Некоторые информанты (1, 3, 4, 5) принадлежали к одной социальной сети. В случаях 3 и 13 у информантов есть дети. Информанты в случаях 9 и 10 являются семейной парой,

² О применении дневникового метода в социологических исследованиях см. подробнее в: Гладарев, 2002.

причем они заполняли дневники параллельно (подробную информацию об информантах см. в таблице 1).

Опираясь на полученные эмпирические материалы, мы можем приступить к анализу общей композиции персональных сетей молодых жителей Петербурга, чтобы в дальнейшем аналитически позиционировать в ней дружеский сегмент. Мы будем рассматривать повседневный ритм контактов между друзьями и плотность общения. Мы будем анализировать формы, в которых существует дружеская связь и сеть людей-вещей, через которую ее осуществляют.

КОМПОЗИЦИИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Сетевой подход акцентирует внимание «на сети как особом механизме протекания социальных процессов, будь то поиск работы, выбор партнеров по бизнесу, обустройство эмигрантов, формирования дружеских компаний» (Барсукова, 2003: 87). Люди, входящие в персональную сеть информанта образуют социальную среду его повседневного общения.

Социальная сеть информантов стала для нас коммуникационным пространством, которое, в рамках данного исследования, рассматривается в качестве практического поля осуществления «дружеской связи». Сначала обратимся к анализу данных из дневников повседневной коммуникации и материалам второго интервью, чтобы описать общие характеристики 14 социальных сетей молодых жителей Санкт-Петербурга.

ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ МОЛОДЫХ ЖИТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Практически все информанты подчеркивали особое значение, которое они придают общению в рамках своей персональной сети: «Окружение — это важно... ты сам, твои возможности во многом связаны с тем, какие люди тебя окружают» (случай 2).

Развитие индивида обусловлено развитием всех других индивидов, с которыми он находится в прямом или косвенном общении. Социальное окружение, которое мы рассматриваем через метафору сети, играет важную роль, с одной стороны, в определении социально-экономического статуса индивида, а с другой — являются инстру-

этих данных позволила нам, с одной стороны, получить дискурсивные материалы о дружеских, родственных, приятельских и коллегальных связях и, с другой стороны, сравнить с ними обширные данные недельных дневников, где фиксировались практики осуществления этих связей.

В заключение интервью информант заполнял схему «кругов близости», где самые близкие альтеры его сети схематически находились рядом с ним, а наименее близкие на периферии (см. схему 3). Эти данные позволили в дальнейшем соотнести субъективную «близость» с пониманием дружбы и практиками ее бытования в персональных сетях.

В результате применения описанной выше методологии, были получены уникальные данные о композиции социальных сетей молодых жителей Петербурга, а также о практиках их повседневного взаимодействия.

ОПИСАНИЕ ДАННЫХ

Эмпирические материалы составляют два взаимодополняющих массива: глубинные интервью и «дневники повседневной коммуникации». То есть собраны, с одной стороны, дискурсивные материалы о режиме повседневного общения, содержащиеся в глубинных интервью, а с другой — информация о практиках повседневной коммуникации, зафиксированная в недельных дневниках.²

Анализ ограничивается 14 случаями. Семь девушек и семь юношей в возрасте от 20 до 30 лет, приняли участие в исследовании. Их жизненные проекты значительно отличаются по многим параметрам. В исследовании участвовали люди с доходом от 100 (случай 4) до 1000 долларов (случаи 2 и 5), с образованием от среднего (случаи 2, 4, 8 и 11) до поствузовского (аспиранты — случаи 6, 9, 10), коренные жители Петербурга (случаи 1, 3, 4, 5, 7, 8, 11) и мигранты (случаи 2, 6, 9, 10, 12, 13, 14), студенты и домохозяйки, программисты и профессиональные спортсмены. Некоторые информанты (1, 3, 4, 5) принадлежали к одной социальной сети. В случаях 3 и 13 у информантов есть дети. Информанты в случаях 9 и 10 являются семейной парой,

причем они заполняли дневники параллельно (подробную информацию об информантах см. в таблице 1).

Опираясь на полученные эмпирические материалы, мы можем приступить к анализу общей композиции персональных сетей молодых жителей Петербурга, чтобы в дальнейшем аналитически позиционировать в ней дружеский сегмент. Мы будем рассматривать повседневный ритм контактов между друзьями и плотность общения. Мы будем анализировать формы, в которых существует дружеская связь и сеть людей-вещей, через которую ее осуществляют.

КОМПОЗИЦИИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Сетевой подход акцентирует внимание «на сети как особом механизме протекания социальных процессов, будь то поиск работы, выбор партнеров по бизнесу, обустройство эмигрантов, формирования дружеских компаний» (Барсукова, 2003: 87). Люди, входящие в персональную сеть информанта образуют социальную среду его повседневного общения.

Социальная сеть информантов стала для нас коммуникационным пространством, которое, в рамках данного исследования, рассматривается в качестве практического поля осуществления «дружеской связи». Сначала обратимся к анализу данных из дневников повседневной коммуникации и материалам второго интервью, чтобы описать общие характеристики 14 социальных сетей молодых жителей Санкт-Петербурга.

ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ МОЛОДЫХ ЖИТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Практически все информанты подчеркивали особое значение, которое они придают общению в рамках своей персональной сети: «Окружение — это важно... ты сам, твои возможности во многом связаны с тем, какие люди тебя окружают» (случай 2).

Развитие индивида обусловлено развитием всех других индивидов, с которыми он находится в прямом или косвенном общении. Социальное окружение, которое мы рассматриваем через метафору сети, играет важную роль, с одной стороны, в определении социально-экономического статуса индивида, а с другой — являются инстру-

² О применении дневникового метода в социологических исследованиях см. подробнее в: Гладарев, 2002.

ментом для поддержания и развития идентичности. Сети и идентичность образуют петлю положительной обратной связи (Рона-Тас, 1999: 402), поскольку индивид осознает собственную идентичность лишь в том случае, если смотрит на себя глазами другого (Абельс, 1999: 26).

Описывая свою социальную сеть, молодые люди и девушки эмоционально, с видимым удовольствием углублялись в детали, создавая большие нарративы, посвященные тому или иному агенту своей персональной сети и своим взаимоотношениям с ним/ней.

Анализируя интервью и данные дневников, мы можем выделить основные источники формирования сетей. Обычно это происходит на нескольких биографических этапах. Типичными этапами рекрутирования альтеров в персональную сеть являются детство (родительская семья, соседи), учеба (школа, вуз), заключение брака и устройство на работу. У части альтеров социальные сети расширяются через увлечения и разнообразные хобби (случаи 1, 2, 5, 8). Обобщенную информацию о персональных сетях 14 информантов мы поместили в таблицу 2.

Резюмируя данные, представленные в таблице 2, можно сказать, что самая большая сеть, включающая 82 человека по материалам дневника, интервью и записной книжки мобильного телефона, была у молодого спортсмена (случай 11: 19 лет, м., уроженец Санкт-Петербурга). Самая узкая сеть у 29-летнего мигранта, который занимается компьютерным дизайном — 22 человека (случай 13). Здесь важно отметить, что у дизайнера плотность общения внутри сети была одной из самых высоких — 72,7% его сети участвовало в недельном общении, зафиксированном в дневнике. Вероятно, существует закономерность: чем меньше размеры социальной сети, тем выше плотность общения в ней (см. таблицу 2). Исключение составляет только случай 1, но там высокая плотность общения при сравнительно большой сети (45 альтеров) объясняется временем заполнения дневника — предновогодняя неделя, предполагавшая участие в корпоративных вечеринках и многочисленные контакты-поздравления.

Другой важной характеристикой сетей молодых людей и девушек является, если можно так сказать, эмоциональный срез их социальных сетей. Процент близких альтеров в дневниках наших информантов колеблется от 38,2% при сети в 34 человека (случай 13) до 9,9% при сети размером в 77 человек (случай 5). Ближайшими членами социальной сети мы считали людей, помещенных информантами в первый

и второй «круги близости» (см. схему 3). Обычно ближайшие люди составляют меньше одной пятой всей сети информанта.

Средний возраст людей, составляющих персональные сети информантов, около 30 лет. Поскольку исследуемая группа состояла из молодых людей и девушек от 20 до 30 лет, то можно сказать, что в основном сети информантов состоят из их сверстников. Единственным отклоняющимся случаем была 24-летняя аспирантка петербургского университета (случай 9), у которой средний возраст альтеров сети составляет 36,2 года. Это объясняется тем, что она включает в свою персональную сеть всех своих родственников, родственников своего гражданского мужа и некоторых профессоров университета.

Средняя продолжительность знакомства в сетях информантов составляет около шести лет. У двух информантов композиция сети более устойчивая и средняя продолжительность знакомства достигает девять лет (случай 4 и 5).

Интересен гендерный состав сетей. Выявляется тенденция, что в сетях мужчин и женщин преобладают мужчины. За исключением отклоняющихся случаев 7 (29-летний неженатый юрист) и 11 (19-летний неженатый спортсмен). Среди женщин с женщинами значительно больше общаются только молодая (20 лет) студентка Университета культуры и 23-летняя студентка Химико-фармацевтической академии. Здесь важно отметить, что гендерный состав этих учебных заведений достаточно однороден и представлен в основном девушками. Возможно, в этом причина особой гендерной композиции сетей в случаях 12 и 14.

Подавляющее большинство членов 14 персональных сетей проживает в настоящий момент в Петербурге. Только в случаях пары мигрантов (случаи 9 и 10) значительная доля их альтеров живет в других городах. В таблице 2 отчетливо видно, что сети мигрантов меньше связаны с Петербургом, чем сети коренных жителей. Эту закономерность нарушает только случай студентки 5-го курса Химико-фармацевтической академии, которая, уехав из закрытого военного городка О., фактически оборвала все связи с фрагментами сети в родном городе.

Сети мигрантов в значительной степени отличаются от сетей уроженцев Петербурга. Основным фактором, влияющим на это отличие, является не сам факт рождения в другом городе, но длительность проживания в Санкт-Петербурге. Например, миграция в детском возрасте не оказывает большого влияния на размер и состав

сети (случай 2). Так как важными источниками формирования сети являются школа, институт, место проживания, то социальная сеть человека, проживающего постоянно в одном городе, а иногда и в одном и том же районе города, значительно шире и многообразнее, чем сеть человека, сменившего место жительства, а иногда и несколько мест (случаи 6, 9).

В случаях миграции информант обычно говорит о двух, несвязанных между собой, сетях — той, которая осталась на его изначальном месте жительства, и той, которая складывается в Петербурге. Характерно, что первая, несмотря на поддержку через всевозможные средства коммуникации, сокращается, а вторая постепенно растет.

ОСНОВНЫЕ СЕКМЕНТЫ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ

Бергер и Лукман в своем социологическом бестселлере «Социальное конструирование реальности» указывали, что в основе социального

порядка лежит способность к типизации (Бергер, Лукман, 1995: 118). Следуя Альфреду Шюцу,³ при выделении сегментов социальной сети мы опирались на словесные формулы, используемые информантами, поэтому наша типизация есть объединенная модель частных типизации наших информантов.

При всем разнообразии существующих в 14 сетях форм социальных отношений можно аналитически выделить некоторые сегменты, которые присутствовали фактически во всех изучаемых нами случаях. Обобщая, мы рассматриваем пять основных сегментов, из которых, по нашим данным, состоит персональная сеть молодого жителя Петербурга. Это 1) друзья, 2) приятели, 3) коллеги, 4) родственники и 5) другие отношения (соседи, случайные люди и люди, через которых происходит связь с третьими лицами).

Людей в своем социальном окружении информанты делили на приятелей и друзей, родственников и коллег по разным основаниям. Можно выделить два основных вектора типизации, которые применяли наши информанты при определении характера отношений с альтерами своих персональных сетей. Первый вектор проходит через

типизацию посредством аскриптивных признаков, которые маркируют принадлежность того или иного альтера к группе родственников и коллег. Эти аскриптивные признаки — родственник и коллега — обычно являются нерелексируемыми принадлежностями, которые определяются формальными границами этих категорий, усвоенными в процессе социализации. Второй вектор типизации порождался не социальным приписыванием, а субъективной, частной оценкой характера межличностных отношений: «хороший приятель, но еще не друг». То есть здесь присутствует не объективная шкала родственных связей или принадлежности к трудовому коллективу, а субъективная шкала личной оценки «хороший-плохой», «близкий-далекий», выстраиваемая по отношению к конкретному человеку. Здесь важно отметить, что в некоторых случаях информанты затруднились однозначно охарактеризовать свои отношения с тем или иным альтером персональной сети. Тогда им задавался вопрос об обычных практиках взаимодействия с этим альтером, и потом, на основании практик взаимодействия, происходила типизация характера отношений. Это стало возможным потому, что определенный тип отношений соответствует специфическому режиму взаимодействия между людьми, в них вовлеченными. Упрощая, можно сказать, что с родственниками общаются иначе, чем с друзьями, а с приятелями по-другому, нежели с коллегами.

В определенных случаях типизация могла быть совмещенной. Некоторых альтеров можно было определить одновременно и как родственников, и как друзей (например, случаи отношений с супругами 3, 6, 9) или одновременно в качестве коллег-приятелей. Например, когда одна из информанток так описывала приятельские отношения с офис-менеджером своей фирмы:

Познакомились в офисе на работе. Я пришла, и она мне сразу начала все рассказывать. Как-то она сразу ко мне хорошо отнеслась, водила меня обедать, рассказывала, все в округе места посещаемые, магазины, в которые стоит ходить. Отношения дружеские, деловые. Больше деловые, но в которых есть дружеские доверительные элементы. Можно назвать эти отношения приятельскими (случай 1).

Информанты для характеристики своих отношений использовали самые разные прилагательные. Отношения могли быть «дружескими и деловыми», «товарищескими», «проблемными», «очень близкими» и т. д. Однако основными и характеристиками были родство,

³ Шюц утверждал, что социологические конструкты второго порядка должны непосредственно соотноситься с первичными конструктами переживаемого мира — воплощенными в языке категориями обыденного практического мышления (Schutz, 1962:62).

дружба, приятельство и совместная работа (коллегиальные отношения). Подобная сегментация сети является результатом типизации данных на основе категорий самих информантов. Светлана Барсукова отмечала, что сеть как материализация институтов родства, приятельства, соседства и пр. позволяет выделять культурные коды их функционирования (Барсукова, 2003: 119). Ричард Роуз писал, что результат функционирования сетей зависит от ситуации: например, результат включения сети, используемой главным образом для заботы о здоровье, отличен от работы сетей, связанных с приобретением еды или ремонтом дома. Сети социального капитала сильно различаются в зависимости от ситуации, в который они задействуются (Роуз, 2002: 36). То есть все пять сегментов социальных сетей 20-30-летних жителей Петербурга будут функционировать по-своему, в специфическом режиме и с различными целями. Отсюда следующей задачей будет описание каждого из выделенных сегментов, а также определение правил и способов их функционирования.

РОДСТВЕННЫЙ СЕГМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ. Кого молодые люди и девушки относят к родственникам? Данные дневников и интервью демонстрируют очевидную вещь: к родственникам обычно относят членов расширенной семьи, хотя масштаб включения различен. Например, в случае 5 информант включает в родственные сети жену троюродного брата, а в случае 9 в родственный сегмент попадает двоюродная племянница. Информантка 12 включила в круг своих родственников бабушку, с которой познакомилась на улице, приехав в Петербург для поступления в вуз. Другие информанты (случай 1) не включают в число родственников членов родительской семьи, например отца, который при том живет с матерью. В случае 10 информант не включает в число родственников родную сестру. В случае 3 информантка характеризует свои отношения с мужем скорее как дружеские, чем как родственные:

Характер отношений дружеский. Дружеские отношения — это когда общение друг с другом необходимо, когда люди необходимы друг другу (случай 3).

Таким образом, можно предположить, что родственные отношения в значительной степени конструируются и не зависят напрямую от формальных систем родства. В массиве дневниковых данных мы имеем несколько случаев приписывания статуса родственника.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДРУЖБЫ: ПЕРСПЕКТИВА СЕТЕВОГО ПОДХОДА

Например, случай, который имел место в сети информантки 14. Так она описывала свои отношения с названной сестрой:

Мама утверждает, что они общались с ее мамой, когда нас в колясочках возили. У нас нет кровного родства, но лет 15 назад почему-то нас все стали называть сестрами. Она скорее сестра по духу.

Тот факт, что родственниками (в данном случае — сестрами) можно стать, потому что «лет 15 назад почему-то все стали называть нас сестрами» дает основания предполагать постепенное разрушение некогда монолитных систем родства. Родство как социальная категория начинает конструироваться исходя из субъективной интерпретации отношений. Родственником становится «бабушка», встреченная на улице (случай 12), родственником перестает считаться отец. В случае 1 это происходит по причине фатального ухудшения отношений, а в случае 3, наоборот, в силу того, что отец настолько эмоционально близок, что считается другом, а не родственником.

Здесь кажется важным подчеркнуть, что «конструирование родства» достаточно новый процесс. Дело в том, что такое конструирование требует рефлексивного подхода к отношениям, а это уже модернистская тенденция, характерная для жителей крупных городов развитых стран (см., например: Гидденс, 2004). Большинство наших информантов не затрудняли себя подобной рефлексией в отношении людей, с которыми они состоят в кровнородственных связях. Они определяли их, используя уже готовые категории родства, которые нагружены специфическими нормами и штампами. Поэтому с родственниками отношения начинаются обычно «в роддоме», «на семейном празднике», «с детства». Родственники — это, в первую очередь, члены расширенной родительской семьи и иногда семьи супруга или супруги. Брачных партнеров называли родственниками только в половине исследованных случаев. Для второй половины они были друзьями. Возможно, это происходит потому, что в отличие от родителей, супругов, как правило, выбирают, а значит эти отношения более рефлексивны, отсюда большее разнообразие в типизациях. Изменения гендерного порядка, сексуальные революции, коррозия традиционной модели семьи, произошедшие в XX веке, изменили смыслы и формы, связанные с понятием *брака* (Гидденс, 2004: 80-85).

Знакомство брачных партнеров в силу возраста наших информантов происходило в течение «взрослого» этапа их жизненного

пути, как правило, несвязано с детством. Они знакомятся во время учебы (случай 9, 10, 12, 13), на работе (случай 2), на автобусной остановке (случай 3, 4), в Интернете (случай 8), в стройотряде (случай 6). Во всех случаях эти отношения являются результатом личного выбора, но могут интерпретироваться разными информантами и как родственные, и как дружеские.

Итак, ближайшими родственниками считаются брачные партнеры и родители. Плотность общения между брачными партнерами является одной из самых высоких. Обсуждают покупки на ужин, планы отдыха и семейный бюджет, разговаривают о работе и детях. Брачные партнеры, как правило, находятся друг с другом в «режиме близости». Их взаимодействие проникнуто вовлечением в мельчайшие детали совместного быта. Как выразился один из информантов, говоря о характере своих отношений с супругой:

Отношения семейные. У нас общий дом, общий быт, общая машина. Самые близкие отношения (случай 13).

И женский нарратив:

Мы живем вместе, мы любим друг друга и вместе ведем хозяйство. У нас семья, только детей нет, а во всем остальном мы семья (случай 9).

В ситуациях раздельного проживания с родительской семьей молодые люди и девушки сравнительно редко контактируют со старшими поколениями семьи. Интеракции часто носят характер ритуализированных звонков и встреч. Вот как информантка в случае 2 описывает свои отношения с матерью:

Нормальные здоровые отношения, как и должны быть. То есть это взаимовыручка, поддержка — не важно, в какой области. Забота. Последнее время видимся не очень часто в силу ее занятости. Иногда мы ездим вместе к бабушке. Все дни рождения и праздники отмечаем вместе.

Таким образом, в случаях раздельного проживания с родственниками из расширенной семьи взаимосвязь осуществляется по двум основным сценариям: 1) с родственниками из расширенной семьи встречаются на праздники и 2) им помогают или принимают их помощь в случае необходимости: занимают деньги, помогают с ремонтом, консультируют, осуществляют ритуализированную заботу. Часто родственные взаимодействия описываются через категории долга и моральных обязательств:

У нас с матерью неблизкие в эмоциональном плане отношения, но я знаю, что должен заботиться о ней. Она меня одна воспитала, поэтому я должен проявлять внимание (случай 8).

Общение родственников, с одной стороны, носит аффективный характер, но, с другой — может быть весьма инструментально. Анос Рона-Тас указывает, что большинство связей в социальной сети мультиплексны, то есть содержат несколько типов отношений, многие из которых связаны с эмоциями, привычками, нормами, но также и с инструментальной необходимостью и взаимной выгодой (Рона-Тас, 1999: 404-405).

Сегмент родственников в персональных сетях информантов в процентном отношении оказался самым малочисленным по сравнению с другими: от 3,51 (случай 7) до 30,77% (случай 9). В пяти случаях (1, 3, 7, 11, 14) сегмент родственников не превысил 10%. Это особенно важно, учитывая тот факт, что в России многие до сих пор живут «большими семьями», то есть совместно с родителями или другими родственниками.⁴ В нашем исследовании это случаи 3, 4, 5, 7, 8 и 11). Важно отметить, что только у мигрантов (случаи 6, 9, 10, 12, 13, 14) были отмечены родственники в других городах России. В двух случаях коренных петербуржцев (1 и 5) отмечены родственники, живущие за границей, но у остальных петербуржцев не зафиксировано ни одного родственника в других населенных пунктах страны. Большинство указанных информантами родственников, живущих в других городах, являются близкими (родители, братья и сестры — обычно 1, 2 и 3 «круги близости»). Данные дневников показывают, что пять из шести мигрантов за неделю заполнения дневника имели контакты с родственниками из других городов.

КОЛЛЕГИ КАК СЕГМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ. Значительную долю в социальных сетях занимают коллеги. В шести случаях (1, 5, 6, 8, 9, 14) коллеги составляют около одной пятой объема сети. Причем у работающих информантов процент коллег в сети наиболее стабилен по отношению к другим сегментам (см. таблицу 2).

⁴ Исследование «Молодежь: социокультурные ориентации, проблемы занятости и безработицы, социальной защиты и адаптации», проведенное в 2002 году, демонстрирует, что «большинство молодежи (69%) проживает с родителями; лишь каждый четвертый живет отдельно от родительской семьи» (Осадчая, 2002: 90).

Кого относят молодые люди и девушки к коллегам? Это альтеры персональных сетей входящие в профессиональные сообщества наших информантов. С ними знакомятся на текущей или прошлой работе. Иногда знакомство завязывается в командировках. Были случаи, когда коллеги помнят друг друга еще по детству: вместе тренировались в спортивной школе (случай 11) или жили в одном районе (случай 9).

Коллегами обычно называют людей, с которыми, в первую очередь, складываются профессиональные отношения. Их типизация определяется полуаскриптивными признаками профессиональной принадлежности: «коллега — это тот с кем я по работе общаюсь» (случай 8). Обычно их относят к 5-7 «кругам близости». Однако в зависимости от места работы, рабочего распорядка, длительности работы на одном месте и характера труда отношения с коллегами могут складываться по-разному.

Спектр достаточно широкий: от «сугубо деловых», «профессиональных» отношений «только по работе» до «приятельских» и «товарищеских». Например, информантка 3 так характеризует свои отношения с начальником: «Отношения начальника и подчиненного. Мы разговариваем, если мы сталкиваемся вне работы, за тем же обедом, но основная масса общения о работе».

Бывают более мультиплексные связи:

С Игорем⁵ [коллега-программист] такие неоднозначные отношения. В основном по работе общаемся, но и про кино иногда можно поговорить. Несколько раз вместе ходили в кафе. В перерывах с удовольствием курим вместе на этаже (случай 13).

Как правило, информанты отмечали, что с рядом коллег у них появляются отношения за рамками деловых, иногда они сопряжены не только с беседами во время перекура или в обеденный перерыв, но и с взаимопомощью и совместным проведением досуга, в них вносятся элементы доверительности и близости. Чаще всего такие отношения складываются из схожести интересов вне работы:

Поначалу отношений никаких не было. Сейчас постепенно сблизилась на почве интереса к технике и к домашним животным. Это общительный человек такой, живой, интересный. Отношения товарищеские: в гости друг к другу не ходим, но если нужно помочь, то и он мне и я ему помогаем (случай 5).

⁵ Имена во всех приведенных нарративах изменены.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДРУЖБЫ: ПЕРСПЕКТИВА СЕТЕВОГО ПОДХОДА

Иногда отношения коллег перерастают в многофункциональные формы связи в силу близкого возраста:

На работе все, в общем-то, старше меня, поэтому с Викой мы ближе сошлись. Нам обоим не близки проблемы этих сорокалетних теток, которые у нас в учреждении сидят (случай 14).

Иногда близость с коллегами объясняется гендерными основаниями или общей ситуацией миграции:

Отношения приятельские... у нас девочки как-то более сплочены в нашем коллективе. И еще то, что мы все иногородние, то есть мы в начале года столкнулись с одинаковыми проблемами. Так что отношения приятельские, мы больше, чем просто коллеги друг другу (случай 9).

Отношения с коллегами чаще всего ограничены контактами на рабочем месте (включая корпоративные вечеринки), информанты в большинстве случаев не могли указать место проживания своих коллег в пределах города. Приглашение коллег домой или визиты к ним, возможно, маркируют выход отношений из разряда «чисто деловых», так же как и звонки по телефону в нерабочее время.

С Сашей [заведующий отделом электронной поддержки] отношения дружеские. Не совсем дружеские, но товарищеские, хотя я у него дома уже бывал, а вот он у меня нет. Бывает, пьем пиво после работы (случай 5).

То есть коллеги при определенных условиях могут переходить в состав группы приятелей. Это один из самых сложных и разнородных сегментов социальной сети наших информантов.

ПРИЯТЕЛЬСКИЙ СЕГМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ. Один из самых больших сегментов социальных сетей наших информантов составляют приятели: от 15,5% в случае 1 до 44,4% в случае 14. Это довольно трудноопределимый сегмент исследуемых социальных сетей. Кого обычно относят к приятелям?

К приятелям чаще всего причисляют людей, с которыми «приятно общаться»:

Отношения приятельские — это значит, что мы друг без друга бы обошлись, но когда встречаемся общаться приятно (случай 3 про девушку своего друга).

Чаще всего с ними знакомятся в гостях или на работе. Хотя есть приятели, с которыми молодые люди знакомятся в армии (случай 6),

на катке, в спортзале, на пляже или в кафе (случай 7). Много друзей мигранты заводят в общежитиях (случаи 6, 11, 12, 14). Часто друзьями являются люди, разделяющие общие хобби, например занятия айкидо (случай 1), шейпингом (случай 2), разведение кошек и яхтинг (случай 5), компьютерные игры (случай 8), рукоделие (случай 4, 14).

«Приятельский» сектор социальной сети наших информантов достаточно гетерогенен по своему происхождению. Друзьями могут быть коллеги, если отношения с ними имеют другие векторы, кроме профессионального. Друзьями могут быть соседи по общежитию или лестничной клетке,⁶ если между ними время от времени происходит неформальное общение. Друзьями могут быть бывшие сослуживцы или одноклассники, а также большая категория друзей — это знакомые знакомых (друг мужа, коллега сестры, тренер по фитнесу).

Иногда связи с друзьями устанавливаются достаточно причудливым образом:

Это бывшая подруга Ваниного [муж информантки] друга Миши. Общаемся, насколько позволяет расстояние. Она живет в Израиле. Поздравляем друг друга на все праздники (случай 2).

То есть часто друзья — это знакомые знакомых, с которыми общение легко и приятно, оно не требует таких эмоциональных усилий, как дружба. Друзья обычно относят к 4 - 5 - 6 «кругам близости» из возможных семи. То есть они эмоционально отделены от ядра персональной социальной сети. Иногда друзья бывают связанными обстоятельствами и даже несимпатичными. Например, так охарактеризовала свои отношения информантка 2, говоря о партере мужа по бизнесу:

Отношения дружеские, но я стараюсь с ним не общаться. Мне не очень приятно с ним общаться. Он энергетический вампир. Но с ним приходится общаться в связи с тем, что он работает с мужем (случай 2).

⁶ Соседей почти не указывали ни в одной из 14 исследованных социальных сетей. Возможно, это косвенно указывает, с одной стороны, на возросшую мобильность современного российского общества, а с другой стороны, на развитие в нем атомизирующих тенденций.

Другая информантка, говоря о дружеских отношениях со своим бывшим женихом, который к тому же является братом подруги, сказала:

Отношения дружеские, но поскольку он очень занудный, я стараюсь с ним пореже общаться, хотя он настаивает на частых встречах. То есть изначально он бывший жених, но это давно было. Последний раз мы с ним встречались осенью прошлого года, если не весной (случай 4).

О друзьями знают меньше, ими меньше интересуются, но общение время от времени происходит.

Отношения дружеские. Границу между другом и другом сложно нарисовать. Друг — это тот человек, с которым я общаюсь не часто, о жизни которого я знаю примерно. О друге больше информации, чем о друге (случай 1).

Друзьями считаются люди, отношения с которыми выходят за рамки формальных ролей коллег, родственников и людей из разных сфер услуг (парикмахеров, автомехаников, тренеров по фитнесу и пр.).

Борис — это начальник фирмы, в которой я работал в городе В-ре. Сначала это были сугубо профессиональные отношения, как начальника с подчиненным, но потом постепенно, мы начали общаться после работы за пивом. У нас очень хорошие отношения сложились. Можно назвать их дружескими (случай 10).

С друзьями общаются реже и менее регулярно, чем, например, с друзьями. Иногда друзья — это бывшие друзья:

С Катей у нас... наверно, дружеские отношения теперь. Раньше были очень близкие дружеские отношения, а сейчас нет. У нее там своя жизнь, свои загоны, то есть мы с ней вместе не переживаем жизнь, поэтому так получается, что она приезжала в прошлом, вернее даже в позапрошлом году. Теперь я практически отношений с ней не поддерживаю. Ну то есть как бы хотела поддерживать, но мы уже лет пять практически не видимся, а письма писать тяжело, от руки-то, а с Интернетом у нее там тоже какие-то проблемы, потому что это в военной части она живет (случай 4).

Подруга информантки вышла замуж за военного и уехала с мужем жить в гарнизон. Коммуникация с ней теперь затруднена и информантка относит бывшую близкую подругу к категории друзей. Получается, что нарушение регулярной коммуникации приводит к изменению характера отношений: например, друзья переводятся

разряд приятелей, или если коллеги начинают регулярно общаться вне работы, то их отношения постепенно приобретают приятельский характер.

Что делают молодые люди и девушки с альтерами, которые составляют «приятельский» сектор социальной сети? С ними вместе работают, вместе ходят на каток или в спортзал, иногда встречаются в гостях, время от времени созваниваются. Их поздравляют с праздниками, с ними сплетничают, им по возможности оказывают поддержку. Например, в случае 1 приятельница бесплатно лечит информантку кота, а в случае 5 информант подвозит своих приятелей-коллег с работы. Типичный нарратив о приятельских практиках:

Таня — это коллега по моей самой первой работе. Меня из училища распределили в «Дом Мод», а через год она вышла из декрета и работала у нас в бригаде. Сейчас созваниваемся изредка, там раз в месяц, рассказываем новости: у кого какая работа, какие мужики, ну там, хрень всякая. Приятельские отношения (случай 4).

Молодые люди отличают приятельские отношения, с одной стороны, от дружеских, а с другой — от отношений с коллегами:

Отношения как со всеми институтскими друзьями, скажем, дружески-приятельские. Приятельские отношения, они ближе к рабочим, но вне работы. Это люди, которые с работой непосредственно не связаны. А дружеские отношения — это более глубокие, более близкие отношения, скажем так (случай 6).

Если приятельские отношения становятся более глубокими, взаимно интересными, а в результате и более регулярными, то они имеют шанс перерасти в дружеские отношения. Например, информант 10, рассказывая о характере отношений со своим иностранным коллегой, говорил:

Отношения пока приятельские, но могут стать дружескими. В Лондоне мы нашли много тем для обсуждения. Проводили много времени в клубе для курения кальяна. У нас завязались отношения не академического свойства. Ну, сейчас он приехал в Петербург. Мы много общаемся. Он приходил ко мне на день рождения. Отношения носят больше перспективный характер. Я не могу сейчас определять их во многом потому, что этим отношениям еще суждено случиться. Они в процессе становления.

Приятельские — это кадровый резерв друзей. Вообще, можно сказать, что приятельский статус имеет в некотором смысле переходный

характер. Это косвенно подтверждается средней длительностью знакомства с приятелями, которая составляет 4,5 года. В то время как средняя продолжительность знакомства с родственниками — 16,5 лет, а с друзьями — 8,2 года.

ДРУЖЕСКИЙ СЕГМЕНТ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ. В половине всех исследованных персональных сетей (случаи 1, 3, 7, 10, 11, 12, 13) сегмент дружеских отношений составляет не меньше одной пятой от всей сети (а в случаях 12 и 14 он превышает 40%). Большинство из участвовавших в исследовании юношей и девушек указывало на то, что «общение с друзьями» является преимущественной формой проведения свободного времени. А как отмечала Елена Омельченко, свободное время считается одной из доминирующих ценностей современной молодежной культуры (Омельченко, 2006: 131). Поэтому дружеский сектор социальной сети имеет особое значение в повседневной жизни молодых людей.

Мы получили много разнообразных интерпретаций, кого же можно считать друзьями и каким правилам подчиняются дружеские отношения. Например, в случае 2 информантка предложила такой нормативный нарратив:

Друг — это человек, который должен обо мне знать практически все. И я должна об этом человеке знать, скажем так, все. Максимальная информация у этого человека обо мне и у меня об этом человеке должна присутствовать. Друг — это человек, на которого можно рассчитывать. Ты должен быть в этом человеке уверен на 100%, что он не подведет. Это человек, которому ты можешь доверять и который тебе доверяет. Это человек, с которым поддерживается постоянный контакт, которого знают мои родители, его родители знают меня. Тогда я могу назвать этого человека другом. Мы должны быть готовы оказать друг другу любую — моральную, материальную — помощь.

Если следовать категориям, которые используют наши информанты, друг — это 1) человек, которому доверяют, 2) человек, от которого ждут поддержки, и 3) человек, с которым есть постоянный контакт. Регулярность общения очень важна. Это подчеркивают все информанты. Насчет доверия на 100% и взаимопомощи мнения расходятся. Некоторые выделяют маркеры дружбы в «эмоциональной значимости общения», «взаимном интересе» или «продолжительности отношений». Доверие как базовая составляющая дружеских отношений не упоминается (случай 1, 3, 5). Например,

информант 5, описывая одну из своих подруг, типизировал отношения как дружеские, потому что есть «*взаимной интерес*»:

Она подруга моего друга — Сани. Мы с Саней приходили к ней чинить унитаз. И как-то постепенно стали общаться. Она очень интересный человек, и мы всегда находим общие темы. Отношения дружеские. Встречаемся и общаемся регулярно, раз в неделю или в две (случай 5).

Еще одним маркером дружеской связи является продолжительность отношений. Существует даже особая категория «старый друг», с которыми молодые люди и девушки видятся не очень часто, но регулярно и на протяжении многих лет:

Отношения дружеские. Мы знакомы уже очень давно. Я его называю своим старым другом, а он меня своей старой подругой. То что «старый друг», «старая подруга» — это, конечно, игра, но действительно дружеские отношения, мы достаточно близкие люди, и важно нам друг с другом общаться. Обсуждаем работу жизнь и все такое, хотя последнее время встречаемся не чаще, чем раз в два месяца (случай 3).

Или же, от обратного, информантка определяет свои отношения как приятельские, поскольку они знакомы еще не так долго (три года):

Отношения приятельские. Человек, которого ты знаешь три года и с которым у тебя не было тяжелых жизненных ситуаций, еще не может стать другом. Друг должен быть проверен. Это очень хороший приятель, скажем так. Иногда вместе проводим время, хотя не часто (случай 2 о друге мужа).

Что значит «часто» и «не часто» встречаться — требует дополнительной оговорки, потому что у разных людей представления об этом сильно отличаются в зависимости от личного коммуникативного режима. Коммуникативное измерение социальных сетей петербургской молодежи мы отдельно рассмотрим в следующей части статьи. А сейчас посмотрим, откуда берутся друзья и что с ними вместе делают.

Дружеский сегмент сети рекрутируется из гетерогенных источников, чем сближается с сегментом приятелей. Друзья — это бывшие одноклассники и сослуживцы, друзья — это друзья друзей и даже в прошлом случайные знакомые. Например, наши информанты познакомились со своими будущими друзьями на концерте (случай 1), в баре (случай 7), на пляже (случай 11), в стройотряде

(случай 6), в Интернете (случай 8), на даче (случай 3) и т. д. Часто с друзьями знакомятся во время учебы или на работе. С друзьями встречаются в общих гостях на праздники и без особого повода. Друзья также объединяются вокруг общих хобби. То есть друзья, как и приятели, появляются в жизни 20-30-летних петербуржцев из разных источников. Однако от приятелей друзей отличает большая эмоциональная вовлеченность в отношения.

Дружеские отношения описывались информантами как чрезвычайно важные.

Молодые люди и девушки обычно относят друзей к 1-2-3 «кругам близости», тогда как приятели обычно принадлежат к 4-5-6 кругам. Можно говорить о том, что «друзья» являют собой специально выделяемый, субъективно значимый сегмент социальной сети, который в восприятии информантов требует особых «правил» взаимодействия и реализуется в форме специфических «практик дружбы» (детально дружеские практики рассматриваются во второй части статьи).

Как уже отмечалось выше, коллеги и, особенно, родственники выделяются по аскриптивным социальным признакам, тогда как и друзья, и приятели — это субъективно типизируемые сегменты социальной сети. Субъективные типизации проникнуты категориями желаний и личных оценок, в то время как типизация по аскриптивным признакам опирается на должествование и социальные нормы:

Я вынужден с ними общаться, потому что они родители моей жены, а значит, и мне как бы родственники. Но это общение радости особо не приносит (случай 13).

Здесь мы видим, что общение с родственниками жены для информанта — это навязанная социальными нормами коммуникация, которая не приносит удовлетворения. Дружеское общение обычно описывается через категории желания и личной оценки. Оно должно приносить удовлетворение и радость:

Отношения у нас близкие... Мила — очень сердечный человек. Мы обсуждаем довольно личные вещи, которые для обеих важны и интересны (случай 12).

То есть в друзья записывают людей, с которыми устанавливаются эмоционально близкие отношения и общение с которыми субъективно важно. На вопрос о том, что вы делаете вместе с друзьями, обычными ответами были такие реплики:

В гости ходим друг к другу, праздники вместе отмечаем, выпиваем, разговариваем о чем-то (случай 5).

Или:

Общаемся, когда она сюда приезжает. Даже что-то делаем вместе: ходили в театр, она меня на день рождения пригласила, то есть довольно интенсивно общаемся (случай 1).

Или:

Отношения дружеские. Встречаемся, болтаем, часто ходим друг к другу в гости, мы живем рядом (случай 3).

Кроме общения, болтовни и разговоров, друзья, конечно, осуществляют различные совместные действия. Они помогают друг другу, отдыхают вместе, занимают друг у друга деньги. Дружеские отношения могут носить инструментальный характер. Друзья помогают друг другу в сложных жизненных ситуациях. Это одна их характеристик дружеских отношений: «Друг — это человек, на которого можно рассчитывать». Дружеские отношения — это социальный капитал, который используется в сложных жизненных ситуациях: «Человек... с которым у тебя не было тяжелых жизненных ситуаций, еще не может стать другом». Важно, что инструментальность и социальный капитал, определяемые через понятие «взаимопомощь», рассматриваются как следствие дружбы, а не как ее причина.

«ДРУГОЕ» — НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ СЕГМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ. В результате сегментирования персональных сетей молодых людей и девушек, принявших участие в исследовании, мы выделили особый тип отношений, который не укладывался ни в одну из выделенных и описанных выше категорий. Обозначая его как «другое», мы признаем некоторую неопределенность этого сегмента.

Обычно в него входят люди, общение с которыми не является субъективно значимым. Часть из них составляют сотрудники разных предприятий сферы услуг (парикмахеры, рабочие-ремонтники, продавцы, врачи и др.), контакты с которыми могут быть достаточно регулярны, но при этом имеют сугубо функциональный характер. Часть составляют люди, отношения с которыми на момент проведения исследования информантами не поддерживались, но в силу различных обстоятельств их номера оставались занесенными в записные книжки мобильных телефонов. Также к этой категории альтеров отнесены люди, отношения с которыми имеют очень запутанный характер

(в высокой степени мультиплексные). Например, в случае 11 — это тренер информанта, который его воспитывает и тренирует его с пятилетнего возраста. И информант определяет их, с одной стороны, как «почти родственные», а с другой стороны, настаивает, что это профессиональные и в какой-то степени дружеские отношения.

Следует отметить, что у некоторых информантов (случай 2, 3, 7) процент отношений, которые не укладывались в выделенные сегменты (и определялся как «другое»), был достаточно высок — соответственно 48, 41 и 45%. Информанты объясняли это значительное количество «других» контактов ситуацией ремонта (случай 2) и ситуацией поиска новой работы (случай 3, 7). То есть исследование зафиксировало их социальные сети в период нестабильности и изменений, поэтому они контактировали с большим количеством людей, отношения с которыми затруднялись определить. Это рабочие-ремонтники и продавцы стройматериалов (случай 2) или потенциальные работодатели и люди, через которых ищут работу (случай 3, 7).

Для того чтобы понять, что наши информанты вкладывают в выделенные ими категории родства, приятельства и дружбы, а также отношений с коллегами, мы должны посмотреть, чем наполнены эти отношения на уровне повседневных практик. Иначе говоря, мы попробуем рассмотреть, из каких коммуникативных практик состоят разные типы отношений в персональных сетях молодых жителей Санкт-Петербурга.

ПРАКТИКИ КОММУНИКАЦИИ В ПЕРСОНАЛЬНЫХ СЕТЯХ Данные множественного кейс-стади демонстрируют, что взаимодействие в условиях современного мегаполиса осуществляется посредством множества коммуникативных каналов. Для осуществления связи в рамках своих персональных сетей молодые жители Санкт-Петербурга используют стационарную и мобильную телефонию, службу коротких сообщений и Интернет, и, конечно, они встречаются с альтерами своих сетей лицом к лицу. Можно выделить два основных режима общения — коммуникация дистанционно (с помощью различных ИКТ⁷) и непосредственно лицом к лицу.

⁷ ИКТ — информационно-коммуникационные технологии. К ним автор относит

Бергер и Лукман отмечали, что «наиболее важно восприятие других людей в ситуации лицом-к-лицу, которая представляет собой прототип социального взаимодействия. Все другие случаи — отклонения от нее» (Бергер, Лукман, 1995: 52). В дневниках повседневной коммуникации содержатся данные, которые позволяют говорить о том, что сегодня «отклонения от прототипа социального взаимодействия» стали нормой. Наши эмпирические материалы показывают, что молодые люди обычно в два с половиной раза чаще пользовались для общения различными ИКТ, чем встречались «лицом-к-лицу». Иногда частота пользования дистанционными средствами коммуникации была чрезвычайно высокой. Например, в случае 12 общение через ИКТ происходило в двадцать раз чаще, чем личные встречи. В случае 2, у 25-летней домохозяйки, — в восемь раз чаще, у 24-летнего аспиранта (случай 10) почти в четыре раза чаще. Это тенденция говорит о том, что ИКТ играют принципиальную роль в современных практиках коммуникации молодежи, проживающей в крупном городе (см. таблицу 3).

В исследованных случаях среди дистанционных средств коммуникации наибольшей популярностью пользуется мобильный телефон. Сразу за мобильным — стационарный телефон, и потом, с большим отрывом, электронная почта, ICQ, а затем — традиционная почта и факсимильные сообщения. Причем бумажной почтой и факсом пользуются в случае крайней необходимости и в основном для пересылки документов. Максимальное число контактов, зафиксированных за неделю, составило 97 (случай 2), а минимальное — 26 (случай 14).

Многообразие каналов общения позволяет молодым жителям мегаполиса выстраивать сложные схемы взаимодействия в своих социальных сетях. При этом основной тенденцией становится все большее вытеснение коммуникационных процессов в сферу дистанционного общения. Общение вне ситуации соприсутствия становится все более распространенной формой коммуникации.

Несмотря на то что частота контактов через ИКТ выше, время в среднем на них затрачивается в четыре с лишним раза меньше, чем на общение «лицом-к-лицу». Выпадающим является только случай 14, в котором информантка за неделю заполнения дневника

мобильную (включая SMS) и проводную телефонию, Интернет (e-mail, ICQ, ICR), традиционную почту, телеграфи и факс.

около 100 минут проговорила по стационарному телефону, общаясь «лицом-к-лицу» за этот же период всего 115 минут.

В интервью почти все информанты отмечали, что контакты «лицом к лицу» имеют для них наибольшее значение. Они подчеркивали вспомогательную роль дистанционных средств коммуникации для своего общения:

Обычно я звоню только для того, чтобы договориться о встрече. То есть для меня личное общение гораздо интереснее, чем общение по телефону. Вот... Я или звоню, или можно эсэмэской договориться (случай 5).

Общение «лицом-к-лицу» для молодых жителей Петербурга является наиболее значимым.

Конечно, результатом всех созвонов-перезвонов обычно бывает личная встреча. Я, вообще-то, не очень по телефону люблю общаться... хотя сейчас такая нагрузка по работе... В общем, иногда кроме телефона и возможности другой нет. Если, как я приходиться с работы в 11, то уже не до общения... так кто-то из друзей звякнет — поболтаешь и в койку (случай 5).

Общение «лицом-к-лицу» важно символически. «Никакая другая форма социальной взаимосвязи не может с такой полнотой воспроизвести свойства субъективности, как ситуация "лицом-к-лицу". Только здесь субъективность другого является эмпатически "близкой". Все прочие формы связи с другими людьми в той или иной степени являются "отдаленными"» (Бергер, Лукман, 1995: 52-53). Общаясь лично, молодые люди и девушки отдыхают и занимаются общими хобби. В режиме общения «лицом-к-лицу» они работают и разрешают повседневные проблемы, оказывают и получают помощь. Данные дневников показывают, что информанты общаются «лицом-к-лицу» со всеми секторами своих персональных сетей, но больше всего с друзьями и коллегами (см. таблицу 4).

Однако современные условия уплотнения временного режима повседневной жизни⁸ постепенно сокращают объемы общения «лицом-к-лицу». Вот один из типичных нарративов:

Ну, я не могу сказать, что у меня занимает много времени походы в гости или прием гостей. Это не основное свободное время. В общем, я люблю время проводить дома. Меня не корбит одиночество, и мне достаточно находиться с самой собой, чтобы

⁸ См., например: Gladarev, Oblasova, 2002; Geser, 2004.

чувствовать себя достаточно комфортно. У меня есть время, то есть я сейчас не работаю, и я по мере возможности, по мере своего желания занимаюсь домом. Домом и собой. С друзьями, конечно, регулярно созваниваюсь, но встречаемся все реже. После окончания института все стали такие занятые. Но с праздниками поздравляем друг друга обязательно. Иногда в клуб вместе можно сходить (случай 2).

Новые каналы дистанционной коммуникации постепенно вытесняют из повседневной жизни молодежи 2000-х годов vis-a-vis-общение:

На данный момент отношения виртуальные, потому что это все происходит по сети, через электронную почту, и я даже не хочу, возможно, ее лично видеть, и общаться с ней иначе, потому что в письмах мы довольно откровенно пишем разные вещи, про себя, про то, что мы делаем, а при личном общении, возможно, что-то нам в друг друга не понравится, что-то мы обнаружим. Она «виртуальная Вика» такая, я ей так и пишу: «С приветом, твоя виртуальная Вера» (случай 1).

«Виртуальность» межличностной коммуникации для нашего общества еще во многом экзотика, однако молодые люди и девушки все активнее включаются в сети дистанционной коммуникации, замыкаясь в опосредованном общении через ИКТ.

Материалы дневников свидетельствуют, что разные отношения поддерживаются через разные каналы коммуникации. Особенности коммуникативного поведения в разных сегментах социальной сети необходимо рассмотреть подробнее.

ПРАКТИКИ ОБЩЕНИЯ С КОЛЛЕГАМИ. Данные, сведенные в таблицу 4, демонстрируют, что с некоторыми сегментами сети информанты общаются, задействуя практически весь набор каналов коммуникации. Примером такого сегмента выступают друзья. Коллеги, наоборот, являются примером сектора, коммуникация с которым фактически моноканальна. С ними информанты в основном общаются «лицом-к-лицу» или же связываются посредством электронной почты и ICQ (случаи информантов, чья работа связана с компьютером: 6, 8, 13 и представителей научного сообщества — случай информантки 9). Звонки по стационарному или мобильному телефону коллегам единичны (см. таблицу 4). С ними общаются в основном на работе и «по работе». В пространстве свободного времени они почти не встречаются, и домой их приглашают редко.

ПРАКТИКИ ОБЩЕНИЯ С РОДСТВЕННИКАМИ. Чаще всего для связи с родственниками используется мобильный телефон (42,52% от всех звонков по мобильному). Но здесь важно заметить, что основными родственниками, которым звонили с мобильных телефонов, были супруги или партнеры.

Кроме того, почти треть коммуникации по стационарному телефону — это также общение с родственниками. С ними довольно часто связываются посредством «службы коротких сообщений»: 25% SMS-переписки — это коммуникация с родственниками (каждое четвертое SMS). Именно родственникам обычно пишут «бумажные» письма. Однако общение «лицом-к-лицу» с людьми, которых наши информанты отнесли к родственному сектору сети, значительно уступает по частоте с личным общением друзей, коллег и приятелей (см. таблицу 4). Получается, что лично с родственниками встречаются относительно реже, чем с представителями других сегментов социальной сети. Данные Барсуковой, собранные в двенадцати городских (Краснодар) и семнадцати сельских семьях (Саратовская область), показывают, что «при всех разговорах об ослаблении родственных связей современного человека, его погруженности в круг приятелей, коллег и друзей отношения с родственниками продолжают доминировать в пространстве сетей» (Барсукова, 2003: 119). Материалы 14 исследованных случаев, состоящих из интервью и дневников молодых жителей Петербурга, как раз показывают «ослабление родственных связей», которые видимо пока еще «крепки» в провинциальной России.

Чаще всего общаются с родственниками те молодые люди, которые проживают совместно с родительской семьей (случай 3, 4, 5, 7, 8, 11). В случаях раздельного проживания (случай 1, 2, 6, 9, 10, 12, 13, 14) молодые жители Петербурга значительно реже общаются с членами расширенной семьи. С родителями проживают в основном петербуржцы, мигранты обычно живут отдельно от родителей. Их личное общение замыкается на супруга или партнера, а с родителями и другими родственниками они общаются посредством мобильной и проводной телефонии и, значительно реже, с помощью электронной и традиционной почты. Следует отметить, что даже в случаях совместного проживания ежедневное общение с родственниками других поколений имеет формальный характер, наподобие отношений с соседями по квартире (особенно случай 7): «Да, я пока проживаю совместно с матерью. Но это вынужденное сожительство. Мы как соседи живем».

ПРАКТИКИ ОБЩЕНИЯ С ПРИЯТЕЛЯМИ. С приятелями чаще, чем с другими сегментами социальной сети, связываются с помощью ICQ и других систем интернет-коммуникации in-real-time, а также посредством электронной почты (30,2% от всей переписки). С ними относительно часто встречаются лично (19,6% от всех встреч «лицом к лицу»). Им пишут каждое пятое SMS (см. таблицу 4). В отличие от моноканального общения, которое происходит у наших информантов с коллегами, с приятелями, как и с друзьями, используется все разнообразие доступных каналов коммуникации. Но, в отличие от общения с друзьями, коммуникация с приятелями носит более дистанционный характер. Больше 80% контактов с приятелями происходило посредством различных ИКТ, тогда как дистанционное общение с друзьями составляет более 70% всех коммуникаций. То есть доля личных встреч с приятелями фактически составила одну пятую часть, тогда как общение «лицом-к-лицу» с друзьями — это почти треть всего общения в ситуациях соприсутствия. С приятелями не обязательно часто встречаться лично:

Сейчас почти нет никакого общения, кроме как через электронную почту. Телефон записан, потому что он в прошлом году купил себе мобильный, ну на радостях позвонил, чтобы проверить связь (случай 8).

Это легкая, «поверхностная» коммуникация происходит не регулярно и от случая к случаю:

Она, как я понимаю, сейчас ближайшая подруга жены. Наши отношения носят какой-то поверхностный характер. Мы здороваемся, а остальные контакты только инструментального свойства. Например, мне нужно взять книгу, а у нее есть свободное место на читательском билете. Но они опять же перспективны. Может быть, будем общаться (случай 10).

Эта цитата из интервью подтверждает уже высказанное выше положение о том, что общение с приятелями носит в основной «перспективный» характер. То есть приятели — это наиболее неустойчивый сегмент социальной сети, контакты с которым нерегулярны и обычно дистанционны.

ПРАКТИКИ ОБЩЕНИЯ С ДРУЗЬЯМИ. Молодые жители Санкт-Петербурга чаще всего общаются «лицом-к-лицу» с друзьями (27,7% всех личных контактов). Здесь важно подчеркнуть, что общение друзей «лицом-к-лицу» занимает примерно в четыре раза больше

времени, чем разговоры по телефону, SMS и электронная переписка, общение в ICQ. Хотя коммуникация посредством различных средств ИКТ статистически происходит чаще. Из таблицы 4 становится очевидным, что и по стационарному телефону чаще всего говорят с друзьями, им чаще пишут SMS и электронные письма. Можно сказать, что *дружеские связи обеспечиваются достаточно плотной повседневной коммуникацией*. При этом необходимым способом поддержания отношений, характеризуемых информантами как «дружба», является непосредственный контакт «лицом к лицу» (хождение друг к другу в гости, совместное проведение свободного времени). Когда возможность такой формы общения исчезает (миграция информанта или члена социальной сети), отношения дружбы, как правило, не прерываются, но задействуются другие коммуникационные каналы (телефон, электронная почта). Многие информанты отмечали, что пользуются электронной почтой для связи с друзьями, «которые далеко», «живут не в Питере» или уехали за границу. Некоторые информанты называли свой отъезд или отъезд близких друзей, как причину, по которой они начали пользоваться электронной почтой (случай 1, 3, 4, 6).

Следует заметить, что изменение канала коммуникации, использование электронной почты вместо контактов «лицом-к-лицу», обычно носит вынужденный характер (связано с переменой места жительства одним из участников коммуникации) и приводит к трансформации самих отношений. Постепенно отношения, поддерживаемые с помощью переписки и редких звонков, превращаются из «близких дружеских» в приятельские, так как теряется регулярность контактов и возможность совместных действий, или вместо реального друга появляется «виртуальный» (случай 1), образ которого в основном составлен из электронной переписки. Часто такие отношения прерываются из-за сложности доступа к электронной почте одного из участников переписки.⁹

Характеризуя специфику дружеской коммуникации, можно сказать, что друзей отличает от приятелей, коллег и даже родственников желание поддерживать постоянный контакт, регулярно совершая телефонные звонки, переписываясь посредством электрон-

⁹ Многие мигранты (случай 6, 9, 10, 13, 14) отмечали ограниченность доступа к электронной почте в провинциальных городах, чем объясняется сложность задействования такого рода канала для поддержания отношений с фрагментами сети, оставшимися в провинции.

ной почты и SMS и, что особенно важно, встречаясь «лицом-к-лицу». Дружескую связь необходимо поддерживать, регулярно вкладывая время и усилия для подтверждения (утверждения) «дружбы».

В заключение первой части статьи мы рассмотрим, как в практиках коммуникации между друзьями организуется то, что они называют «дружескими отношениями»,¹⁰ а также постараемся показать, чем они отличаются от отношений с коллегами, родственниками и приятелями.

ДРУЖЕСКАЯ СВЯЗЬ: ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДРУЗЕЙ В ПЕРСОНАЛЬНЫХ СЕТЯХ ПЕТЕРБУРГСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Материалы нашего исследования демонстрируют, что на уровне коммуникационных практик молодые люди и девушки, проживающие в Петербурге, выделяют друзей как наиболее значимый сектор в своих персональных сетях. С ними чаще всего встречаются лично, им много

звонят и пишут. Общение с друзьями занимает основное место в коммуникативных практиках 20-30-летних петербуржцев.

Больше одной трети всех контактов, которые зафиксированы в 14 дневниках, — это контакты с друзьями. На сегменты родственников, коллег, приятелей и других, не вписывающихся в эти категории отношений, приходится чуть меньше двух третей всего «коммуникационного трафика». Получается, что *дружба требует плотного и регулярного общения*.

Можно предположить, что именно друзья являются для молодых людей и девушек особым сектором социальной сети, посредством которого формируются представления о социальной реальности. В первую очередь, среди друзей наши информанты ищут образцы для сравнения и подражания. Возможно, поэтому для общения с друзьями так важны встречи «лицом-к-лицу». Треть всех встреч «лицом-к-лицу», зафиксированных в дневниках 14 информантов, — это встречи с друзьями. С ними встречаются чаще, чем с родственниками и приятелями.

¹⁰Энтони Гидденс подчеркивает, что понятие «отношения» вошло в общее употребление относительно недавно. Оно относится к ситуации, где социальное отношение вводится ради самого себя, ради того, что может быть извлечено каждой личностью из поддерживаемой ассоциации с другим (Гидденс, 2004: 80).

Возможно, это происходит потому, что именно друзья являются той референтной группой, через которую происходит процесс самоидентификации. Коллеги, родственники и приятели играют в этом процессе второстепенные роли. «Референтная группа, — писали Бергман и Лукман, — есть общность людей, чьи мнения, убеждения и способы действий являются решающими при формировании наших собственных мнений, убеждений и способов действий. Референтная группа дает нам образец для подражания и сравнения. В частности она дает нам особую точку зрения на социальную реальность» (Бергер, Лукман, 1995: 178). При этом лучшим образом референтные свойства отношений дружбы работают в ситуации общения «лицом-к-лицу», поскольку образец для подражания и сравнения лучше и эффективнее лицезреть непосредственно, чем слышать по телефону или вычитывать из электронной почты. В интервью информанты отмечали, что дистанционные средства коммуникации в дружеском общении носят вспомогательный характер и используются для организации встреч «лицом-к-лицу».

Я пользуюсь электронной почтой, потому что несколько моих друзей живут в других странах. И звонить по телефону дорого. Между прочим, я не люблю говорить по телефону долго.
— Почему?

— Потому что это... немножко для меня неестественное общение, потому что говорить нужно все время, практически пауз никаких нет, когда говоришь по телефону... Молчать по телефону — это идиотизм. Поэтому раз уж говоришь, значит нужно говорить. Даже если ты захотел помолчать. Значит, что нужно попрощаться, а потом снова перезвонить. Ну, не знаю... Не нравится мне. Телефон я воспринимаю как инструмент для того, чтобы договориться о встрече, чтобы выяснить какой-то вопрос, который немедленно нужно выяснить и что-то в этом роде. Он не для общения, собственно, дружеского (случай 3).

И еще один нарратив:

Сам посуди, если у меня только пятница-суббота свободный день, то на неделе общаюсь в основном по телефону. А в выходные я стараюсь куда-то выбраться... в бильярд, можно в сауну, можно куда-то в пригород. Ну, конечно, там общаемся не по телефону. Но мне не хватает этого времени. Мне не хватает этого времени для общения, поэтому я часто пользуюсь телефоном (случай 7).

То есть телефоном, а также другими ИКТ для общения с друзьями молодые люди пользуются, когда невозможно в силу прост-

ранственно-временных ограничений организовать встречу «лицом к лицу». В интервью дружба описывается как близкие отношения, то есть отношения требующие близости, соприсутствия, постоянного контакта. Если дружеское общение лицом к лицу затруднительно, то для поддержания близких отношений используются все доступные каналы коммуникации:

Это один из моих самых близких друзей. Отношения поддерживаем через SMS, через телефонные разговоры. Ему я звоню по сотовому, когда я пьяный. Обязательно собираемся в В-ре (название родного города информанта. — Б.Г.). Конечно, из-за того, что я сейчас переехал в Петербург, эти отношения носят критический характер, то есть непонятно, что будет дальше. Это зависит от того, в каком городе я буду дальше строить свою жизнь. Именно от того, какие отношения у меня сложились с Диманом и с Макаремским, и еще с рядом других людей, во многом зависит моя дальнейшая жизненная стратегия. Воспоминания о наших встречах с ними заставляют меня задуматься о возвращении в В-р, после окончания аспирантуры. <...> Дружеские отношения нужно поддерживать постоянным общением (случай 10).

Информант подчеркивает, что для связи с другом он использует все коммуникационные каналы, что друзья должны обязательно часто встречаться и что невозможность организовать такие встречи может привести к распаду дружбы: «индивид становится тем, кем он является, будучи направляем значимым другими» (Бергер, Лукман, 1995: 215). Если постоянный контакт теряется, значит, альтер персональной сети перестал быть «значимым другим».¹¹ Здесь мы можем найти основания для ответа на главный из поставленных нами вопросов: чем дружеский сегмент социальной сети отличается от других сегментов, выделенных нашими информантами?

Дружеские отношения описывались информантами как особенно эмоционально значимые. Молодые люди и девушки относят друзей к 1-2-3 «кругам близости». Дружеское общение обычно описывается через категории желания и личной оценки. Можно говорить о том, что «друзья» являют собой специально выделяемый,

¹¹Однако это касается только живых «значимых других». В отношении умерших или погибших друзей этот принцип менее применим. Часто (как в случаях 3, 4) мертвые друзья долго сохраняют символическое значение. Память о них связывает информантов с некоторыми фрагментами социальной сети: «Тетя Галя — это мать моего погибшего друга. После его смерти мы сильно сблизились. Через нее я все еще поддерживаю связь с Сашкиными [погибший друг] друзьями» (случай 3).

субъективно значимый сегмент социальной сети, который требует специфических правил взаимодействия.

Для того чтобы отношения характеризовались как дружеские необходимо, чтобы они были регулярными и плотными. С родственниками, приятелями и коллегами нет необходимости регулярно встречаться, чтобы они оставались родственниками, приятелями и коллегами. Именно друзья, в отличие от родственников, коллег и приятелей, составляют для наших информантов референтную группу. Отношения с друзьями складываются, с одной стороны, как аффективные («близкие», «важные», «глубокие»), а с другой стороны, как инструментальные («друг всегда поможет», «постоянная взаимовыручка»). Более детальный анализ повседневных практик взаимодействия между друзьями представлен нами во второй части статьи — «Избирательное сообщество людей и вещей: как "делается" дружба?»

ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО ЛЮДЕЙ И ВЕЩЕЙ: КАК «ДЕЛАЕТСЯ» ДРУЖБА?

ГИБРИДНЫЕ СЕТИ И ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА

Исследовательский вопрос, поставленный нами во второй части работы, можно, по Бруно Латуру, обозначить этнометодологически просто: *как делается дружба?* Мы будем рассматривать описанные в первой части полевые данные исходя из сравнительного анализа каждого случая. Анализ данных через эго-перспективу, а не через общий массив данных позволил выявить индивидуальный профиль совокупности «практик дружбы», которые характерны для каждого отдельного случая. Важно подчеркнуть, что эго-перспектива не стала ограничением для сравнения рассматриваемых случаев, с последующим обобщением многообразия «практик дружбы».

Во избежание неверного прочтения нижеследующего материала, мы считаем нужным дополнительно оговорить несколько понятий, которые кажутся ключевыми для второй части данного текста. Если вернуться к семантике слова «сеть», то в словаре Ожегова мы найдем, что сеть в третьем значении: это — система коммуникаций, расположенных на каком-нибудь пространстве (примеры: *железнодорожная с., электротехническая с., газовая с., телефонная с.*),

в четвертом: сеть — совокупность расположенных где-нибудь однородных учреждений, организаций (примеры: *торговая с.*, *курортная с.*, *школьная с.*) (Ожегов, 1984: 636). То есть сеть могут составлять как одушевленные, так и неодушевленные агенты. Ее могут образовывать как предметы (например, телефоны), так и институты («торговая сеть»), ее могут образовывать также люди. Развивая определение Берковица и Уэллмана (см. первую часть) через подход, сформулированный Бруно Латуром, можно утверждать, что существуют гибридные сети, состоящие как из одушевленных, так и неодушевленных агентов (Latour, 2005).

Нашей задачей будет описание и анализ сетей людей-вещей, вовлеченных в отношения дружбы. В рамках латурианской модели сеть понимается как совокупность агентов (людей и вещей), которые взаимодействуют в едином пространстве и деятельность которых направлена на решение общей задачи (Latour, 2005). Такое определение сети отличается от используемого Берковицем и Уэллманом, поскольку латурианская сеть не просто «множественность точек и совокупность их связей». Сеть у Латура имеет акционистское измерение — иначе говоря, агенты такой сети не только связаны друг с другом в социальном пространстве, но и осуществляют совместную деятельность ради определенной цели. Отсюда возникает вопрос: какую цель преследуют агенты дружеских сетей? Возможно, это позволит понять практические смыслы, которые друзья вкладывают в свое понимание дружбы.

В первой части статьи мы вывели содержательные отличия социального взаимодействия в разных секторах социальной сети. Предметом анализа второй части являются специфические практики взаимодействия в дружеском сегменте, или то, как «делается» дружба. Понятие «практика» используется нами для обозначения рутинной деятельности индивидов — привычных способов обращения с другими людьми, вещами, символами, своим телом, языком, временем и пространством (Волков, 1997). Практики обычно находятся в сфере «фонового знания», поскольку реализуются в пространстве привычного и повседневного (Хархордин, 2001).

Повседневное — это огромная туманная область, плохо пролицируемая для не оснащенного социологическими инструментами сознания. Проблематика повседневности стала одной из центральных тем современного гуманитарного знания (Лелеко, 2002: 6). Альфред Шюц считал повседневность «верховой реальностью» (Шюц,

1988: 130), человек живет в ней и трудится в ней по преимуществу и, отлетая мыслью в те или иные сферы, всегда и неизбежно возвращается в мир повседневности. Повседневная жизнь предстает как пространственно-временной континуум, наполненный людьми, вещами и событиями. Она непосредственно дана человеку как естественная среда его обитания, по поводу которой не возникает сомнений.

Используя вышеописанные категории, мы будем фокусировать свой исследовательский интерес на «практиках дружбы», реализуемых в рамках повседневного взаимодействия в 14 персональных сетях.

Однако осталось еще обозначить, что понимается под «практиками дружбы» и «отношениями дружбы». Самое неоднозначное понятие этой работы, которое настойчиво просит определения, понятие дружбы, мы будем использовать исходя из подхода, сформулированного Морисом Бланшо. Он предполагал, что все ныне существующие формы социальных сообществ можно аналитически разделить на две неравные группы — «традиционные» (вынужденные — навязанные социальной системой) и «избирательные сообщества» (Бланшо, 1998). Французский социальный философ так определяет разницу между сообществом традиционным и сообществом избирательным: «Первое из них навязывается нам извне, без нашего на то согласия: это фактическая социальность или обоготворение почвы, крови, а то и расы. Ну, а второе? Его называют избирательным в том смысле, что оно не могло бы существовать помимо воли тех, кто свободно сделал свой выбор» (Бланшо, 1998: 65). В понимании Бланшо «традиционные сообщества» есть навязанные социальным порядком принадлежности к разного рода национальным, расовым, конфессиональным, возрастным, гендерным группам. В отличие от «традиционных сообществ», условием существования «избирательных сообществ» является индивидуальное желание их участников состоять в этих сообществах. «Избирательные сообщества» — это добровольно создаваемые группы друзей и/или любителей, которых связывает между собой узы взаимного внимания (Бланшо, 1998: 11-48).

Таким образом, «дружба» будет пониматься как форма избирательного сообщества, состоящего из акторов, связанных отношениями, которые они определяют как дружеские. Мы сознательно остановились на таком максимально широком определении дружбы,

поскольку анализ эмпирических данных утвердил нас в представлении, что каждый информант исходит из своего субъективного понимания дружбы. Эти представления, с одной стороны, дискурсивно объединены эпитетами «близких отношений», «доверительности», «эмоциональной связи» (они закладываются доминирующим культурным стереотипом), но, с другой стороны, они наполнены индивидуальной спецификой прочтения меганарратива о дружбе. Поэтому мы сразу оставим в стороне «установки» и «представления» о дружбе (тем более что тексты других участников сборника уделяют этим вопросам много внимания) и обратимся к анализу практик, которые конституируют дружеские отношения, как бы их ни понимали наши информанты.

Нашей задачей будет понять, как на уровне практик строится повседневное взаимодействие между друзьями? Или: как люди, которых информанты обозначили в качестве «друзей», действуют в повседневной жизни? Тогда мы сможем поймать «практическое измерение» дружбы, то есть понять, какие действия ее конституируют. В результате мы подберемся к ответу на наш исследовательский вопрос: как «делается» дружба?

Подобно латурианскому анализу лабораторных практик, проявляющему как фотонегатив противоречивую процедуру производства научного знания (Latour, 1987), мы предпримем попытку показать, через какие практики производится дружба. Латур пишет, что для производства научного факта нужно создать легко читаемый след (Latour, Woolgar, 1986: 245-247). Для этого совершается много операций по сортировке материалов и пробирок, подборке нужных или ярких образцов и отделению их в особую область (холодильник, комнату, клетку, подставку с пробирками, где отобраны образцы успешных реакций) (Хархордин, 2006: 18). Для нас способом фиксации «следов дружбы» стали дневники повседневной коммуникации, которые вели информанты. Зафиксированные в дневниках интеракции с друзьями, их частота, время и место, окружающая вещная среда, помещенные в сравнительные таблицы файлов MS Excel, стали объектом нашего анализа. Дневники, дополненные комментариями интервью, отразили практики повседневного общения 14 информантов. Во всем многообразии объемных данных мы искали повторяемость и типичность, нечто, что неизменно присутствует в отношениях, которые люди называют дружбой. Итак, начнем выявить списки черт-характеристик («следов» дружбы как некоего тестируемого вещества.

РАЗГОВОРЫ— ОСНОВНАЯ ПРАКТИКА ДРУЖБЫ

Данные интервью и материалы дневников дают основание утверждать, что *практика дружбы существует, в первую очередь, как «дружеские разговоры»*. Конечно, друзья также осуществляют различные совместные действия: помогают друг другу, отдыхают вместе, занимают друг у друга деньги, но, прежде всего, они ведут разговоры. Эти разговоры наделяются особым значением. Они отличаются и по содержанию, а иногда и по форме от разговоров с родственниками или коллегами:

С такими друзьями, как Петрович и Карась, я всем делюсь. Тут у нас такие сложились отношения... они всегда меня поймут, короче (случай 11).

Или:

Ну с Андреем мы не обо всем можем разговаривать откровенно, мы скорее все-таки больше коллеги, чем друзья» (случай 4).

И еще один небольшой нарратив:

С Ольгой мы не можем долго не общаться, это очень близкие отношения. В последнее время чаще всего болтаем о детях, так как у нее маленький ребенок (случай 3).

Информанты при описании регулярных практик взаимодействия между друзьями, в первую очередь, указывают на то, что они с друзьями «разговаривают», «болтают», «общаются».

Ну что мы обычно делаем? В гости ходим друг к другу, праздники вместе отмечаем, выпиваем, разговариваем о чем-то (случай 5).

Джонатан Тернер считал, что общение — это мотивационный процесс в ходе которого, люди тратят и умножают свой «эмоциональный капитал». Разговор не только средство передачи власти, престижа, одобрения от человека к человеку, но и самостоятельный «ресурс» (Тернер, 1999: 126). Взаимодействие включает тонкий и обычно имплицитный процесс, посредством которого каждая участвующая сторона «заверяет» других в своей искренности и подчинении правилам. Такое взаимодействие опирается на общие фонды знания о нормах, на совместные представления о честном поведении и на обусловленное культурой согласие относительно взаимосвязи целей и средств (Тернер, 1999: 132).

В отношениях дружбы разговоры как регулярная практика являются основной конституирующей сообщество формой. Можно сказать, что *дружба существует, пока друзья ведут разговоры*. Дружеский разговор — это добровольно избранная деятельность. Она не навязана правилами вынужденного сообщества, поэтому менее рутинизирована и требует большей эмоциональной вовлеченности и рефлексии. Необходимость разговоров в дружбе отличает ее, например, от отношений родства. Ведь родственник, с которым вы не общаетесь, все равно остается родственником, а коллега, с которым вы перекидываетесь лишь формальными приветствиями, все равно вам коллега. С друзьями ситуация другая: без разговоров отношения дружбы исчезают и дружба прекращается. Некоторые информанты прямо это формулировали в интервью:

Я не верю в дружбу без постоянных разговоров, без постоянно-го смотрения в глаза, поддержки по малейшим каким-то неприятностям в жизни (случай 10).

Разговоры о друзьях, разговоры об общих увлечениях (музыка, магазины, книги, автомобили, спорт, алкоголь, бардовская песня и т. д.), разговоры об организации совместных действий, похоже, это основной механизм дружеских отношений.

Практика дружеских разговоров реализуется в рамках определенного пространственно-временного континуума. Существует ограниченный набор мест и времени суток, когда практикуется дружба.

Данные дневников указывают на то, что пространство, где реализуются практики дружбы, обычно пространство свободное от работы или учебы. Это квартиры и дома друзей, их автомобили, иногда клубы, кинотеатры или спортзалы. Детальный анализ всех взаимодействий, происходивших между друзьями, показывает, что с ними общаются в основном в вечернее (иногда ночное) время и в выходные дни. То есть дружеские разговоры обычно звучат вечером в неформальной обстановке, отделенной от пространств работы или учебы.

Рассматривая весь массив дружеских взаимодействий, мы аналитически разделили их на две основные формы взаимодействия — разговоры и действия непосредственно лицом к лицу и разговоры вне ситуации соприсутствия. Для каждой из форм характерен свой набор «посредников» или «интерьерных деталей» дружеской обстановки.

Если дружеские разговоры осуществляются лицом к лицу, то общение часто сопровождается совместной едой и/или употребле-

нием алкоголя, прослушиванием музыки, иногда просто просмотром какой-то передачи по телевизору. Если общение друзей происходит вне ситуации соприсутствия, то есть посредством коммуникационных технологий, то еще одним «интерьерным элементом» дружеских разговоров становятся телефоны и/или Интернет.

Данные дневников повседневной коммуникации демонстрируют, что в отношениях между друзьями циркулируют книги, фильмы, алкоголь и множество других вещей. Они сопровождают разговоры, создают для них пространство и содержательное наполнение. То есть *в дружеские практики замешивается множество вещей*.

Люди и вещи вместе создают сложную фигурацию дружеской сети, причем, как будет показано ниже, вещи играют далеко не пассивную роль в поддержании дружеской сети. Рискнем предположить, что *для практикования дружбы необходимо владеть некоторой совокупностью вещей*, отличающей то или иное сообщество друзей. В качестве иллюстрации этого утверждения, можно привести один случай, рассказанный автору Жанной Цинман. Однажды выйдя покурить из своего подъезда, она встретила бездомного, который попросил сигарету. Похоже, ему очень хотелось поговорить, но общие темы было находить сложно. Тогда бездомный достал, наверное, одну из немногих вещей, которые были «его вещами», и показал Жанне помятую черно-белую фотографию своей бывшей жены. Эта фотография стала способом организовать дружеский, доверительный разговор о психологических проблемах, которые переживают люди после развода. То есть даже фактически неимущий (вещей) человек — бездомный — все равно выстраивает практику доверительно-дружеского разговора с помощью вещей. Фотография стала вещной средой и одновременно поводом этой интеракции.

Конечно, можно задаться вопросом, насколько сравнима ситуация случайного, хоть и доверительного, разговора с бомжом с дружескими разговорами членов устойчивого избирательного сообщества, знающими друг друга многие годы? Наше исследование показывает, что отчасти эта ситуация сравнима, поскольку друзья также вовлекают в свои взаимодействия множество вещей, без которых практикование дружбы кажется затруднительным, то есть отсутствуют ситуации дружеского взаимодействия, в которое бы не включались те или иные наборы вещей. Однако и в интеракциях с коллегами и при общении с родственниками мы также наблюдаем вовлечение множества вещей, но они, как мы покажем ниже, отличаются друг от друга

(это разные наборы), кроме того, они по-разному используются или вовлекаются в социальное взаимодействие.

В результате анализа дневников повседневной коммуникации было выделено пять групп вещей, вовлеченных в практики дружбы. Они встречаются в тех или иных наборах во всех исследованных случаях. Эти вещи суть практические инструменты, которыми члены избирательных сообществ конструируют дружбу. С другой стороны, вещи, вовлеченные в дружбу, сами подвергаются конструированию в пространстве дружеских разговоров. Далее мы постараемся показать, какие именно вещи и каким образом вовлекаются в отношения дружбы, а также как они видоизменяют свое значение, включаясь во взаимодействия друзей.

ВЕЩИ, ПРОИЗВОДИМЫЕ ДРУЖБОЙ, И ДРУЖБА, ПРОИЗВОДИМАЯ ВЕЩАМИ

Итак, обратимся к анализу вещной среды, окружающей дружеские разговоры. Как уже указывалось выше, эти разговоры происходят как в пространстве соприсутствия, так и на удалении друг от друга. Для удален-

ной коммуникации необходимы специальные коммуникационные технологии, будь то почтовый голубь или служба коротких сообщений оператора «Мегафон». Таким образом, ИКТ становятся одним из вещных агентов («нечеловеков»), достраивающим человеческую сеть.

СРЕДСТВА ДИСТАНЦИОННОЙ КОММУНИКАЦИИ. Эмпирические данные показывают, что для общения с друзьями наши информанты использовали почти все возможные каналы коммуникации. Детальные данные о каналах коммуникации и практиках их использования в дружеских сетях уже приводились в первой части статьи.

В результате анализа 14 дневников повседневной коммуникации, мы можем констатировать, что друзья чаще всего общаются посредством мобильного и стационарного телефонов, а на общение лицом к лицу приходится меньше одной трети всех «дружеских интеракций».

Таким образом, можно предположить, что *телефонная сеть является очень значимой частью дружеской сети*. Более того, если сравнить с другими сегментами социальной сети, то становится

очевидно, что как стационарный, так и мобильный телефон используется для связи преимущественно с друзьями. Больше половины всех написанных SMS адресованы друзьям. Почти половина общения по стационарному телефону — это разговоры с друзьями и подругами. Мы не можем однозначно сказать, характерно ли это для дружбы всех возрастных когорт или же присуще только поколению молодежи (20-30 лет), так как это требует дополнительных исследований. Однако данные дневников повседневной коммуникации 20-30-летних жителей мегаполиса подтверждают, что средства дистанционной коммуникации — это необходимый элемент «интерьера дружбы».

Без телефонов, службы коротких сообщений и электронной почты дружескую связь поддерживать сложнее, поскольку в урбанистическом пространстве плотность общения реализуется, в первую очередь, благодаря коммуникационным технологиям, а не за счет ситуаций соприсутствия. Коммуникационные технологии признаются участниками дружеского взаимодействия, как не очень удобные, но необходимые посредники дружеских разговоров.

Наиболее весомым и значимым каналом коммуникации для дружеских отношений считается общение лицом к лицу. Большинство из участвовавших в исследовании юношей и девушек указывало на то, что «общение с друзьями» является одной из основных форм проведения свободного времени.

Задавая информантам вопрос о том, что они делают вместе с друзьями, мы находили расхожую и повторяющуюся формулу «общаемся, ходим друг к другу в гости». То есть можно сказать, что дружба происходит в пространстве отдыха, во время, предназначенное для свободного его проведения.

Я, по-моему, уже говорил... Общение с друзьями — это обычный способ для меня проводить свободное время. Я люблю ходить в гости. Общение, разговоры — это очень важная часть моей жизни (случай 5).

Характеризуя специфику дружеских отношений, можно сказать, что друзей отличает от приятелей, коллег и даже родственников желание поддерживать постоянный контакт, регулярно совершая «ухаживающие звонки»,¹² переписываясь посредством электронной

¹² Данные исследования показывают, что чуть меньше четверти от всех контактов за неделю (22%) составляли так называемые «ухаживающие звонки». Они представляют собой любопытный феномен сообщений не несущих прямой фактологической

почты и SMS, встречаясь лицом к лицу. Дружескую сеть необходимо поддерживать, регулярно вкладывая время и усилия для подтверждения (утверждения) «дружбы». Дружба требует регулярного общения друзей, или, как выразилась одна из информанток:

Друг — это человек, с которым поддерживается постоянный контакт (случай 2).

То есть дружеские отношения — это частые и близкие («быть в контакте») социальные взаимодействия. Иногда информанты даже определяют близость своих отношений с тем или иным человеком через частоту коммуникации с ним:

Мы видимся довольно редко, я бы друзьями нас не назвал.
А ээ... отношения у нас хорошие (случай 15).

При этом важно учитывать, что плотная коммуникация не всегда приводит к близости и дружбе. Например, плотное повседневное взаимодействие с родственниками или коллегами далеко не всегда приводит к тому, чтобы отношения описывались через близость и другие категории, обычно используемые для характеристики дружбы. Это происходит потому, что сообщества родственников и коллег в значительной степени имеют вынужденный характер, тогда как сообщество друзей — это избирательное сообщество. В нем плотное коммуникативное взаимодействие есть добровольный выбор участников, а не навязанное институциональной рамкой родства или профессии биографическое обстоятельство.

Можно говорить о том, что «друзья» являют собой специально выделяемый, субъективно значимый сегмент социальной сети, который в восприятии информантов требует особых «правил» взаимодействия. *Одним из самых значимых правил дружбы, правилом номер один, становится поддержание регулярного и плотного общения с друзьями.* Поэтому в дружбе так важны коммуникативные технологии типа телефона и Интернета. Они позволяют поддерживать дружескую связь на расстоянии в ситуации отсутствия. Они

информации. Сейчас «ухаживающие звонки» становятся повседневной практикой подавляющего числа пользователей мобильной телефонии. Бессмысленные на первый взгляд обращения «Где ты?» или «Все у тебя хорошо?» подчеркивают эмоциональную вовлеченность в отношения и постепенно становятся нормой взаимодействия. Очень часто функцию «ухаживающих звонков» принимают на себя SMS-сообщения. Из всех SMS, посланных и полученных информантами в течение недели заполнения дневника, 38,5% носили характер «ухаживающих». Подробнее см.: Гладарев, 2006.

отчасти компенсируют динамичное развитие социальной мобильности, которое характерно для современного российского общества (см., например: Громова, 1998; Голенкова, 1999).

Эмпирические данные о дружеском взаимодействии 14 информантов говорят, что дружеская связь осуществляется по всем доступным каналам коммуникации, но наиболее ценным считается общение лицом к лицу. Для него характерен определенный набор предметов, которые вовлекаются в отношения между друзьями.

ПОМЕЩЕНИЯ ДЛЯ ДРУЖБЫ. Помимо коммуникационных технологий (телефонов и Интернета), в дружеских отношениях важную роль играют «помещения для дружбы», то есть локальные пространства, предназначенные для того, чтобы разговаривать. Это еще одна «вещь», которая выделяется при анализе «окружающей среды» дружбы. Например, в случае 3 девушка обсуждает со своими друзьями возможность создания у них в квартире специальной «тусовочной комнаты», где можно было бы совместно комфортно проводить время. В случаях 1, 7, 11 и 12 информанты часто обращаются к теме поиска помещения (квартиры, комнаты в общежитии, дачи), где можно было бы встретиться и поговорить-пообщаться. Встречи попеременно происходят в домах, дачах и квартирах друзей. Бытовые помещения как бы перекодируются как «помещения для дружбы».

Особенно часто роль такого помещения берет на себя кухня городской квартиры. Похоже, что, как и предыдущие поколения (см.: Бойм, 2002: 190; Вайль, Генис, 1996; Нильсен, 2004), поколение 90-х практикует свою дружбу на кухне. Конечно, появилось много конкурирующих с кухней помещений, используемых для реализации практик дружбы (многочисленные кафе и ресторанчики, дачи и клубы), однако кухня отдельной городской квартиры для 20-30-летних по-прежнему одно из основных пространств для дружеских взаимодействий. На кухнях друзья разговаривают, едят, пьют алкоголь, слушают музыку и даже спят. Наличие у кого-то из друзей свободного помещения является важным ресурсом для поддержания дружеской связи:

Ну, у меня все обычно происходит на кухне. То есть все эти разговоры и пьянки-гулянки — это, обычно, кухня. В комнате... там ребенок, а поскольку все курят... кухня самое удобное (случай 3).

Следующими по популярности помещениями для дружбы являются разнообразные кафе и клубы. В них опять-таки, в первую очередь, разговаривают, но также едят, пьют, танцуют, играют в

бильярд. Однако посещение кафе и клубов происходит значительно реже и пока не стало рутинной практикой. Поход с друзьями в кафе часто готовится заранее и воспринимается как мероприятие, требующее предварительной организации, то естьрывающее повседневность.

Наличие у кого-то из друзей «помещения для дружбы» укрепляет избирательное сообщество. Обладание подобным ресурсом создает дополнительные возможности для организации дружеских разговоров.

В качестве особого помещения для дружеских разговоров, а также средства для организации совместных действий также рассматривается автомобиль. В нем разговаривают, ездят друг к другу в гости, перевозят вещи друзей. Его одалживают «покататься».

Мне подруга дала поводить свою машину, поскольку своей пока нет. А подруга купила, и пока ни у кого нет прав. Я, на самом деле, удивлена, что они разрешили мне пользоваться своей машиной свободно, потому что машина — вещь дорогая, а по такой погоде ее легко попортить. Но я периодически отвожу их туда, куда им нужно ехать. И они мне недавно предложили ей пользоваться, потому что она стоит на стоянке, а для машины это вредно. Я езжу на ней на работу, причем с большим удовольствием (случай 3).

В дружеских отношениях автомобиль становится не только средством передвижения или рабочим инструментом, но, в первую очередь, пространством для дружеских разговоров, сопровождаемых прослушиванием музыки или другими совместными практиками. Наличие у кого-нибудь из друзей автомобиля становится дополнительным аргументом для организации совместных действий. Это особое перемещающееся пространство общения, когда дружеские разговоры можно практиковать по дороге, то есть параллельно занимаясь перевозкой вещей подруги с квартиры на квартиру (случай 3) или подвоза друга с работы (случай 5).

Автомобиль, как вещь, включенная в дружеские интеракции, расширяет возможности для практикования дружбы, хотя иногда вступает в системное противоречие со следующей (третьей) группой вещей, которая часто встречается в обстановке дружеских разговоров.

АЛКОГОЛЬ. Третьей категорией вещей, которая актуализируется в практиках дружбы, является алкоголь. Более того, можно сказать, что 20-30-летние жители Петербурга употребляют его в

основном именно с друзьями (и уже потом с приятелями, коллегами и родственниками). Алкоголь является вещью сопровождающей дружеские разговоры:

А основная часть друзей... как бы да: происходит совместное распитие спиртных напитков. Я бы сказала, что это положительным образом сказывается на качестве общения. То есть способствует большей раскованности и более откровенному высказыванию мнений, помогает мысли растекаться по древу и все такое (случай 1).

Совместное распитие алкоголя становится почти ритуальной формой дружеского общения, некоей регулярной практикой друзей:

И пиво пьем на постоянной основе, плохо на здоровье, кстати, называется. Вот она — проблема дружбы (смеется) (случай 15).

Роль алкоголя и психотропных средств в практиках дружеского взаимодействия требует отдельного исследования, мы ограничимся только некоторыми соображениями. Прежде всего, следует подчеркнуть рекреативное значение алкоголя («расслабляемся, пьем вместе пиво» — случай 11). Как правило, алкоголь употребляется в пространстве, удаленном от работы или учебы, то есть там же, где обычно реализуются практики дружбы. Кроме того, как отмечали в своем исследовании сексуального контекста практик пьянства Чепурная и Шпаковская, на общекультурном уровне алкоголю приписывается роль средства, способствующего налаживанию коммуникации. Предполагается, что алкоголь способствует установлению понимания и эмоционального контакта между людьми. Такая трактовка алкоголя, в частности, производится и поддерживается рекламой, кинематографом, телевидением. Так, в рекламе пива мы видели друзей, которым удается сохранить свои дружеские чувства на протяжении многих лет благодаря совместному употреблению этого напитка (Чепурная, Шпаковская, 2005: 95). Употребление алкоголя здесь не просто способствует установлению эмоционального контакта, оно оказывается широким смысловым контекстом, который определяет молодежное общение (Чепурная, Шпаковская, 2005: 94).

В российской культуре употребление алкоголя нормативно определяется как коллективная практика,¹³ наше исследование

¹³ Можно сказать, что коллективное употребление алкоголя — это как бы культурная парадигма российского общества. Елена Здравомыслова определяла культурную парадигму как устойчивый значимый образец социального взаимодействия,

показывает, что обычно этот «коллектив» составляют члены избирательного сообщества друзей. Распитие алкоголя с коллегами или родственниками — практика, которая встречается значительно реже. Обычно выпивание с коллегами означает, что они уже приобрели статус друзей. Один из информантов описал случай перехода от статуса коллеги в статус друга через разделение общего опыта пьянства:

- То есть, вы столкнулись на выходе из института?
- Нет, нет, мы просто стояли на речи ректора, достаточно близко друг от друга смотрели, и так вот, как вот бывает, ищешь там собутыльника потенциального, и так вот глаза встретились и все стало понятно...
- Понятно! Искра промелькнула... И что, пошли пить пиво?
- Да, и пошли пиво, потом пошли пить портвейн, потом поехали на Васильевский остров к какой-то его девушке, по дороге мы накололись на каких-то ребятишек, которые пригласили нас пить водку, мы попили этой водки очень хорошо, эти ребятишки убралась вообще в никакой хлам, из этой квартиры, где мы пили водку, мы еле ушли, вот потом он по дороге начал терять равновесие, и пришлось нести его обратно к девушке. Вот. С этого момента мы и подружились (случай 16).

Таким образом, мы можем говорить о глубокой связи алкоголя и дружбы. Бутылки пива, вина и реже водки регулярно появляются в описании дружеских практик (случаи 1, 3, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 13, 14).

Важно отметить, что тут существует гендерная специфика. Она заключается в том, что алкоголь чаще замешивается в интеракции молодых людей. В дружеских практиках девушек он встречается реже. Но общая тенденция состоит в том, что разговоры друзей достаточно часто сопровождаются подниманием бокалов, то есть алкоголь, так же как коммуникационные технологии, помещения и автомобили, становится частью «дружеской обстановки».

ДЕНЬГИ. Четвертой, отдельной группой вещей, которая встроена в отношения дружбы, являются деньги. Их тратят, их занимают, о них разговаривают. Вокруг денег в дружбе существует масса нормативных установок и стереотипов:

- Я стараюсь не смешивать дружеские и денежные отношения.
- Знаете, у меня было несколько печальных опытов, когда из-за денег разваливалась дружба. Один старый приятель два года

воспроизводящийся при определенной конфигурации контекста, практик и смысловых кодов (Здравомыслова, 2002: 318).

назад одолжил у меня тысячу баксов. А потом как-то постепенно пропал. Ну, я уже и не звоню ему... раз он оценил нашу дружбу в одну тысячу, так и черт с ним (случай 2).

Или:

Дружба — это такое святое, сладостное, прочное и постоянное чувство, что его можно сохранить на всю жизнь, если, конечно, не пытаться просить денег займы (Марк Твен).

Существует и другой подход:

Я всегда даю в долг, а друзьям тем более. Если уж в друзьях сомневаться, то совсем закиснешь. Я, кстати, тоже никогда не смущаюсь — спокойно занимаю деньги у близких друзей (случай 7).

Наличие нормативных правил обращения денег между друзьями косвенно подтверждает, что «деньги» как вещь имеют важное значение в практиковании «дружбы».

Разговоры о деньгах и материальная взаимопомощь между друзьями была зафиксирована нами в трех из 14 исследованных случаев. Вивиана Зелизер выдвинула тезис о том, что люди производят различные денежные средства для разных типов социального взаимодействия и это целевое обозначение денег является прямым порождением специфических правил, формирующихся в недрах социальных сетей (Зелизер, 2004). Существуют «карманные» деньги и деньги «на ремонт», деньги «на булавки» и деньги «на отдых». Вот эти последние часто еще являются деньгами «на дружбу», поскольку практики дружбы обычно располагаются вне пространства работы, а значит «на отдыхе». Друзья скидываются на бензин для машины, которая их доставит до «места отдыха» — «помещения» для дружбы. Друзья вскладчину покупают алкоголь и еду, они организуют общие бюджеты на период совместных действий, например для групповой поездки на Юг (случай 3).

Хотя нашего материала недостаточно для глубокого анализа правил циркулирования и траты денег в избирательных сообществах друзей, мы можем предположить, что «деньги» на дружбу подчиняются специфическим правилам обращения.

Существует два основных регистра, через которые деньги включаются в дружеские отношения. Первый — это заем денег в долг с последующим их возвращением или невозвращением. А второй регистр находится в области экономики трат. Это деньги, которые расстрачиваются друзьями совместно в ходе практикования дружбы.

Первый регистр часто воспринимается как проблемный, а то и не совместимый с отношениями дружбы: «Я стараюсь не смешивать дружеские и денежные отношения» (случай 2). Люди часто не хотят вмешивать «заемные» деньги в дружеские отношения, поскольку в этом случае деньги имеют владельца, принадлежат кому-то из друзей. Это не общая вещь, и отсюда проистекают особые правила обращения с ней, а также создается широкое пространство для неверного прочтения этих правил.

При совместной растрате денег они как вещь принадлежат уже всему избирательному сообществу друзей, поэтому второй регистр куда менее травматичен и более широко культурно принят. Когда деньги помещены в «общий котел», у них практически остается лишь один путь — они должны быть потрачены. Деньги конвертируются в общую еду, организацию общего праздника или путешествия.

Денежный ресурс, так же как и «помещение для дружбы», автомобили, алкоголь и телефоны, является важным инструментом для производства дружбы. Похоже, что одним из значимых условий для практикования дружбы становится наличие денег в количествах, отличающихся от сообщества к сообществу, но в количестве, близком для каждого члена отдельно взятой дружеской сети. Упрощая, можно сказать, что рост разницы в толщине кошелеков создает условия для поломок в дружеских отношениях. Наши данные не дают возможности привести какой-то пример в качестве иллюстрации этого тезиса, но мы можем предположить, что деньги «на дружбу» должны вкладываться сопоставимыми частями в общий котел избирательного сообщества друзей. Хотя это правило надо понимать шире, то есть говорить не столько о деньгах, сколько о капиталах в бурдьевистском понимании (см.: Бурдье, 2001). Вполне приемлема ситуация, когда один из друзей организует помещение для дружеских разговоров, другой приносит туда еду и алкоголь, а третий находит музыкальные диски для дружеской вечеринки. Тут задействуются различные виды капиталов, которые соединяются в одном месте для организации общего мероприятия.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ НОСИТЕЛИ. Пятой категорией вещей, замешивающейся в интеракции между друзьями, можно считать «информационные носители». Это книги, музыкальные и компьютерные диски, фильмы и фотографии. Ими обмениваются, они являются предметом дружеских разговоров.

Мы постоянно обмениваемся музыкой, компьютерными игрушками, всякими там интернет-приколами. Мы как бы фанаты всякого фэнтези, поэтому вокруг него все и крутится. Все разговоры, все общение в свободное от работы время. Хотя иногда и на работе в аське можно поболтать (случай 8)

Или:

Я с ним обмениваюсь фотографиями, мы обсуждаем всякий кунст, ходим на концерты. Литература, кино... (смех) я такая богемная девушка. Все про искусство люблю поговорить (случай 1).

Информационные носители так или иначе циркулируют в дружеских сетях фактически во всех 14 исследованных случаях. Люди разной профессиональной принадлежности, отличающиеся друг от друга по экономическому, социальному и культурному положению, — все они обмениваются с друзьями разнообразными информационными носителями (вспомним приведенный пример с бездомным). Для дружеской сети 20-летнего программиста — это книги и игры в стиле фэнтези (случай 8). Для девушки, дизайнера кожгалантереи, — это женские романы и выкройки новых фасонов. А для 23-летнего аспиранта и 28-летнего юриста — это музыкальные диски. Вероятно, такое циркулирование в дружеских сетях дисков и книг отражает *второе правило*, организующее дружеские практики: *друзья должны регулярно соотносить друг с другом впечатления и информацию*. Предполагается, что они должны иметь схожие интересы для того, чтобы информационный обмен был эффективным.

Одна из информанток так характеризовала свои отношения со своей коллегой:

Я бы сказала, что у нас деловые отношения. В смысле, мы общаемся только по рабочим вопросам. Так особо с ней мне поговорить не о чем, не сложилось общих тем, хотя работаем вместе уже давно и старше она меня всего на три года (случай 14).

Информационные носители в дружеских отношениях часто играют роль организаторов «общих тем» и становятся «пропускными пунктами» дружбы. Предлагая другу прочитать книгу или посмотреть фильм, мы ожидаем (тестируем) уровень и характер его восприятия того смысла, который имеет в себе информационный носитель.

Дружеская сеть складывается из общих интересов и практик, которые находятся в постоянном развитии. Пожалуй, наиболее важный

критерий трансформации сети есть появление obligatory points of passage, «обязательных пропускных пунктов», или точек перехода в новое состояние, после которых уже не повернуть назад (Хархордин, 2006, 34). Если в индивидуальных отношениях найден некий набор разделяемых практик обмена информацией и эмоциями, то такие отношения обычно определяются информантами как дружеские. Как отмечал социальный антрополог Финн Нильсен, «постоянно подчиняясь правилу, мы "укрепляем" его, усиливаем его реальность и "заряжаем" его легитимностью и смыслом» (Нильсен, 2004: 161).

Процесс нахождения общих способов интерпретирования реальности для друзей являются такими obligatory points of passage. В этих «пропускных пунктах» проводится испытание на звание друга. Общие темы для разговора, общие хобби, схожие способы проведения свободного времени и самореализации — это результат работы «пропускных пунктов», с помощью которых тестируется дружба. Эти «пропускные пункты» являются как бы точкой перевода-перехода интеракции в новое состояние. Иногда они проблематичны и перевод затруднен. Иногда, наоборот, включая в свои взаимоотношения новый музыкальный диск, новую историю или книгу, друзья укрепляют свою сеть через общее разделение нового опыта. Приведем еще раз цитату из интервью:

С такими друзьями, как Петрович и Карась, я всем делюсь. Тут у нас такие сложились отношения... они всегда меня поймут (случай 11).

Необходимость быть понятым — правильно переведенным — один из императивов дружеских сетей. «Перевод, — пишет Олег Хархордин, представляя теоретический подход Латура, — основной способ построения сети» (Хархордин, 2006: 51). Информационные носители часто являются материалом реализации этого перевода.

Можно предположить, что третьим правилом, характеризующим практики дружеских разговоров и отличающих их от разговоров с приятелями, родственниками и коллегами, является низкая затратность перевода. Если выразиться иначе: *друзьями являются люди, которые осуществляют общение с минимальными затратами на перевод своих сообщений друг другу*. То есть они «проще находят общий язык» (случай 6) и «всегда поймут» (случай 11). Малая затратность «перевода» есть характерная особенность коммуникации в рамках избирательных сообществ. В некоторых случаях можно

даже говорить о возникновении в дружеских компаниях своего квази-языка, опирающегося на общие для компании базовые метафоры (подробнее см. статью К. Федоровой в настоящем сборнике). Это особого рода коммуникативная экономика достигается в ходе совместной работы друзей по выработке общей рамки референций. То есть в ходе дружеских разговоров осуществляется постоянная совместная работа по устранению возможных непониманий. Каждый новый информационный повод (носитель) требует установления некоего консенсуса. Он становится тестом на общую позицию в его интерпретации и оценке. Как отмечал Бруно Латур: «Тождественность не сохраняется, а устанавливается каждый раз; существует только перевод одного в другое, ведь все происходит только один раз и в одном месте» (Latour, 1988: 162). А в избирательных сообществах или дружеских сетях все должно происходить не только в одном месте, но и совместно и не один раз, а регулярно:

Мы постоянно обмениваемся музыкой, компьютерными игрушками, всякими там интернет-приколами... (случай 8).

Желательно разделять не только общие практики, но и общие смыслы этих практик. Здесь важно не акцентироваться на внутренних свойствах каждого информационного повода (носителя), а смотреть на те трансформации, которые он претерпевает в руках (умах) друзей. «Результат — появление списка черт некоего объекта X после того, как его испытали силой во многих руках (умах — головах. — Б.Г.). Он уже принадлежит всем» (Хархордин, 2006: 55).

После того как информационный носитель или повод прошел через «пропускной пункт» перевода в рамках дружеского разговора, он становится еще одним общим «кирпичиком», из которого строится избирательное сообщество друзей. То есть результатом регулярных совместных разговоров «на одном языке» становится производство и организация определенного набора из места, времени, формы и предмета взаимодействия той или иной группы друзей. Причем набор мест, тем и форм взаимодействия становится объединяющим механизмом для всех членов дружеской сети.

Одни ходят на футбол, пьют пиво и ездят «на шашлыки», другие обмениваются компьютерными играми и книгами в стиле фэнтези, третьи курят марихуану, ходят на концерты и в клубы. Дружеские разговоры окружаются расписанием футбольных матчей и сами кружатся вокруг рецептов приготовления шашлыка или же вокруг пере-

водов Джойса и последнего альбома «Tiger Lilies». Можно сказать, что дружеские практики укоренены в конкретных, регулярно «собираемых» вместе, наборах вещей.

Данные нашего исследования дают основания предполагать, что любители Джойса редко составляют одно избирательное сообщество с поклонниками фэнтези, а футбольные болельщики почти никогда не пересекаются в дружеских компаниях с фанатами Брамса. Хотя герой «Заводного апельсина» или персонажи уэлшевского «Экстази» вроде бы демонстрируют возможность подобной трансгрессии, нам кажется, что такие смещения являются результатом применения известного литературного приема: описание фактуры персонажа через внедрение демонстративных противоречий в его образ. Берджес создает образ лондонского хулигана — страстного поклонника Бетховена, прежде всего, для легитимации психологической глубины своего персонажа.

В обыденной жизни друзья разрабатывают внутренне непротиворечивый, характерный именно для их сообщества набор разговорных тем, мест для встреч и вещей, их сопровождающих. Этот набор регулярно собирается вместе, образуя повторяющуюся фигурацию людей и вещей, которые совместно производят дружбу. Фигурации обычно стилистически непротиворечивы, что можно выразить поговоркой: «Тот, кто слушает Лакана, не пьет водку из стакана». Скорее всего, он вообще водку не пьет, ну в крайнем случае — из стопки.

ФИГУРАЦИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ, ИЛИ АКТАНТЫ ДРУЖБЫ

Мы определяли дружбу, через Бланшо, как форму избирательного сообщества, состоящего из акторов, связанных отношениями, которые они определяют как дружеские.

Предыдущая часть этого текста демонстрирует, что помимо людей избирательное сообщество друзей включает также множество вещей — нечеловеков, без которых практикование дружбы затруднительно. Без телефонов и Интернета сложно поддерживать плотные отношения, без информационных носителей становится затруднительным обмен мнениями и создание общего опыта перевода. Для дружеских разговоров, как это ни грубо звучит, часто необходимы помещения и деньги, еда и алкоголь. Как отмечал Латур: «Знание,

мораль, профессиональное мастерство, принуждение, общительность являются качеством не людей, но людей, сопровождаемых целой свитой делегированных персонажей» (Латур, 2004: 19). Поскольку каждый из этих делегатов формирует связность какой-то части нашего социального мира, изучение социальных отношений невозможно, если не принимать во внимание нечеловеков (Латур, 2004: 19). Каждой категории вещей делегируется часть человеческих полномочий в организации фигурации, которую информанты называют дружбой. Пример Латюра с дверным доводчиком иллюстрирует этот тезис: «Доводчик и в самом деле антропоморфичен, причем сразу в трех смыслах: во-первых, он сделан людьми, является конструкцией; во-вторых, он замещает действие людей и является тем делегатом, который постоянно занимает позицию человека; и, в-третьих, он формирует человеческое действие, приписывая, какие именно люди должны проходить в дверь» (Латур, 2004: 12).

Эмпирические данные проведенного исследования дают основания утверждать, что в практики дружбы вовлечено множество вещей. Если выделить пять основных категорий, то это коммуникационные технологии, помещения, еда и алкоголь, информационные носители и деньги. Без учета роли нечеловеков в организации и практиковании дружбы она как феномен очень трудно поддается научному описанию. Сначала вещи — это плохо различаемые контуры фотонегатива избирательного сообщества друзей, но когда исследователь их «проявляет», они могут многое рассказать о дружбе.

Пример развития дружбы из общего, разделяемого опыта пользования вещами представлен в интервью с 37-летним техником мебельной фабрики. Он описывает случай возникновения отношений дружбы с одним из своих армейских сослуживцев:

— Момент знакомства... С моментом знакомства было как... Мы были оба очкарики. И оба тяжелые астигматики. Вот. И на тот момент, когда вернулся из училища, вот, мы оказались вместе с ним в санчасти. Стояла проблема, что его очки не в состоянии сделать в гарнизоне, ну просто не в состоянии, что они у него единственные. Пришел, предупредил, что у меня единственные очки, что у меня вываливается стекло, предупредил командира, предупредил все вышестоящее начальство. Его отправили к доктору — «теперь пусть доктор разбирается, нас это не канает, тебя призвали, ты служи». Он пришел к доктору, а там в этот момент был я, ну и мы с ним таким образом познакомились. Вот. А собственно, наши очки, что его, что мои, делали на Севере, в Лунде. — Где?

- 8 Швеции.
- А, в Лунде...
- И до сих портам делают. То есть «Невская оптика», она, собственно, эти линзы не делает.
- Получается, вас связали очки...
- Ну, да. Такое братство очкариков. Ну а потом как бы то се, пятое десятое, земляки, он мне нужный человек, я ему в чем-то нужный человек, то есть это было своего рода сотрудничество. Вот. А после армии выяснилось, что даже довольно интересно тусоваться вместе (случай 16).

В данном рассказе дружба завязывается вокруг очков, то есть общего опыта использования вещей, который приводит к возникновению знакомства, а потом уже и дружбы. То есть очкам в описанном случае делегировались полномочия инициатора взаимодействия близких по положению людей — «очкариков». Как отметила интервьюер: «получается, вас связали очки», то есть сеть (в понимании Латура) двух друзей в этом случае была связана очками. Очки стали ситуативным «переводчиком» отношений сослуживцев с плохим зрением в отношении друзей.

Разнообразные вещи (от алкоголя до очков) то и дело замешиваются в отношения друзей, трансформируя и развивая их. Артефакты — посредники социального взаимодействия — могут быть включены в исследование дружеских сетей с помощью концепции актанта, который, по определению Каллона, есть некоторая целостность, наделенная способностью действовать и включающая в себя высказывания, артефакты и людей, их производящих (Gallon, 1995: 53-54). Латур утверждает, что актантом может быть человек, организация, микроб, теорема, пробирка — любое действующее лицо, чье действие значимо для сети (Latour, 1988: 163).

Можно предположить, что существует даже особая форма дружбы — дружба с вещами. Например, Герасимова и Чуйкина в своей статье про «советские практики» обращения с вещами указывают, что «советская вещь должна долго и преданно служить человеку, ее невозможно выбросить, даже, если она начинает утрачивать свои функциональные свойства (как не бросишь раненного друга)» (Герасимова, Чуйкина, 2004: 72).

Все описанные выше пять категорий «делегированных персонажей» (нечеловеков, вещей), с одной стороны, производят дружбу, с другой стороны, ею производятся. Похоже, что *практики дружбы наделяют вещи особым значением*: комната становится «тусовоч-

ной комнатой». Новый музыкальный диск, подаренный другом, становится звуковым фоном «тусовочной комнаты», где друзья разговаривают о любимом спорте, распивая алкоголь и просматривая фотографии. «Вещи становятся вещами, участвуя в особых типах интеракций, и если правила интеракции меняются, то и вещи становятся вещами иного рода» (Нильсен, 2004: 67). То есть избирательное сообщество друзей отбирает для себя специфический набор актантов, которые, как пазл, должны собираться в некоем порядке.

Таким образом, *дружбу можно представить как определенную фигурацию людей и вещей (актантов), которые регулярно «собираются» для совместного проведения свободного (обычно вечернего) времени*. Ноберт Элиас определяет фигурацию как определенную форму связи ориентированных друг на друга и взаимозависимых людей (Элиас, 2001: 43). Латурианская социология добавляет к людям еще и артефакты. Хотя и элиасовская модель фигурации имплицитно содержит нечеловеков. Его пример фигурации, взаимодействие четырех людей играющих в карты (Элиас, 2000: 63), включает в себя не только игроков и правила игры, но также сами карты, стол для игры, помещение и т. д. «То, что при этом понимают под фигурацией, — пишет Элиас, — есть ни что иное, как изменяющийся образец, который игроки вместе формулируют как целое» (Элиас, 2000: 63).

Фигурация может состоять из многочасового ночного общения об автомобилях и футболе на кухне под диск группы «Кино», которые запивается пивом и закусывается чипсами (случай 3). Или может представлять собой регулярную ICQ-коммуникацию о специфике поведения домашних котиков, сопровождающуюся обменом цифровыми фотографиями своих питомцев (случай 5). Фигурация дружеского взаимодействия может воспроизводиться как ночные «подвисания» в музыкальных клубах, с курением марихуаны и поеданием легких закусок (случай 1).

Фигурация или устойчивая сеть людей и вещей, участвующих в производстве дружбы, отличается от одного избирательного сообщества к другому. Наличие или отсутствие того или иного агента дружеской фигурации приводит к ее изменению. Например, когда в дружеские сети добавляется еще один новый агент — мобильная телефония — дружеские отношения видоизменяются. Друзья получают новый коммуникационный канал, причем не привязанный к локализации в пространстве.

Появление мобильных телефонов у части людей, составляющих избирательное сообщество, мобилизует остальных членов дружеской сети включится в сеть мобильной телефонии. Эмпирические данные показывают, что члены дружеской сети, пользующиеся мобильной телефонией, активно вовлекают других альтернов в сообщество пользователей сотовой связи: они дарят им мобильные телефоны или же уговаривают друзей их приобрести:

Моя подруга купила себе мобильник и стала уговаривать меня. Я даже говорила, что мне он не нужен на самом деле, нет в нем необходимости. Но она меня очень сильно уговаривала, а ее знакомые, ну, наши общие знакомые, больше ее, как раз этот знакомый продавал свой старый мобильный, он хотел купить новый аппарат, а этот продавал довольно дешево. И все-таки уговорила моя подруга даже скорее не меня, а мужа подарить мне на Новый год эту машинку (случай 3).

В этом контексте отказ от включения в сети пользователей мобильной телефонии означает поломку. Когда все общаются посредством сотовой связи, человек, лишенный мобильного телефона, социально депривуруется.

Для чего я купила? Ну не знаю... В общем-то, давно хотелось иметь такую возможность, чтобы мне могли позвонить. Иногда бывает обидно, что вот там человек звонил, хотел куда-то позвать или прийти, а телефон был занят или тебя дома не было. Вот для таких вот вещей (случай 1).

Мобильная телефония, как новый агент дружеской фигурации, привносит возможность постоянного прямого доступа друзей друг к другу. Ведь для стационарной телефонии характерно было вовлечение третьих, подчас нежелательных лиц в коммуникацию. Один из информантов так описывал практики дистанционного взаимодействия со своим другом:

- Вы общались большей частью лично? Лицом к лицу? Не по телефону?
- По телефону было сложно общаться, потому что у меня была жена, у него были родители. И это были всегда лишние уши. Вот. А общаться по телефону-автомату... Тем более, что у нас карточек не было (случай 16).

Очевидно, что мобильная телефония изменила практики коммуникации между друзьями. Благодаря новому члену дружеской сети — мобильному телефону — появились новые правила его

использования. Например, данные интервью, собранных в рамках проекта, демонстрируют, что молодые люди и девушки подключаются к оператору, который наиболее распространен среди членов их дружеской сети. Вот пример типичного объяснения о мотивах выбора оператора:

Потому что большинство моих друзей, подавляющее большинство, за исключением одного человека, пользуются услугами одного и того же оператора сотовой связи... (случай 3).

Это связано с экономическими причинами, поскольку звонки внутри сети одного оператора в 2003 году были значительно дешевле, чем между сетями разных операторов, а входящие звонки бесплатны. Некоторым людям, у которых разные сегменты сети пользуются услугами разных операторов, приходилось делать выбор в пользу того или иного сегмента.

Так в случае 4, где девушка подключилась к МТС, которым пользуется муж и его друзья в ущерб своим собственным друзьям, которые все подключены к «Мегафону». Некоторые разрешают эту ситуацию, пользуясь одновременно двумя телефонами, подключенными к разным операторам (случай 7). Здесь правило можно сформулировать так: скажи мне, каким оператором ты пользуешься, и я скажу, каким оператором пользуются твои друзья. Одним и тем же.

Но не только такие «новые» вещи, как мобильная телефония, привносят изменения в устойчивые дружеские фигурации. Возьмем деньги, как уже давно привычный всем артефакт. Если члены избирательного сообщества друзей изменяют свой экономический статус, например, переходя из группы студентов в класс молодых профессионалов, то наконец появившиеся деньги «для дружбы» видоизменяют дружескую фигурацию. Появляются новые места для дружеских разговоров (кафе, клубы, автомобили), изменяется интерьер, а иногда и темы и ритм дружеского общения.

У меня есть время, то есть я сейчас не работаю, и я по мере возможности, по мере своего желания занимаюсь домом. Домом и собой. <...> С друзьями, конечно, регулярно созваниваюсь, но встречаемся все реже. После окончания института все стали такие занятые. Но с праздниками поздравляем друг друга обязательно. Иногда в клуб вместе можно сходить, но в гости выбираемся уже не часто (случай 2).

Когда в фигурацию дружеского взаимодействия включается новый информационный носитель, например DVD-проигрыватель,

может меняться репертуар совместно просматриваемых друзьями фильмов, поскольку набор видео производимого в VHS и DVD-формате отличается. Могут измениться и устойчивые формы дружеского взаимодействия: раньше смотрели фильмы по телевизору сидя на кухне, а теперь смотрим на ноутбуке, лежа на диване. То есть включение или исключение из дружеской фигурации того или иного агента приводит к ее изменению. Например, если кто-то из друзей отказался от алкоголя, то в пьющей компании его не участие в общих алкогольных практиках может стигматизироваться:

С Мишей у нас сейчас более сложные стали отношения, потому что он подшил. Не может теперь в общих праздниках участвовать на равных (случай 7).

Миша теперь не может полноценно участвовать в производстве дружбы с нашим информантом, поскольку самовольно исключил из их общей фигурации одно из действующих лиц — алкоголь. Теперь их разговоры происходят на разных языках («более сложные стали отношения»), следовательно, издержки по переводу сообщений возрастают, а устойчивая фигурация общих практик может быть разрушена.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛЮДЕЙ И ВЕЩЕЙ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СООБЩЕСТВАХ: ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ

Теперь посмотрим, как работают вещи в избирательных сообществах друзей. Иными словами, постараемся описать дружескую сеть людей и вещей в действии. Они собираются все в одном месте и в

своем взаимодействии производят то, что наши информанты называют дружбой.

Как уже отмечалось, основной дружеской практикой являются разговоры. В ходе разговоров («дружеского общения») друзья обмениваются вещами, истребляют (расходуют) вещи и осуществляют общение посредством вещей.

Если перейти на более высокий уровень обобщения, то можно выделить три группы вещей, присутствующих в практиках дружбы, — это «обменные», или циркулирующие, вещи, «растратные» вещи и вещи-медиаторы. Все они складываются в актанты определенной формы, из которых вырастает конкретная фигурация дружеского

взаимодействия, представляющая собой сеть людей и вещей. *Циркулирующие вещи в дружбе прирастают, «растратные» - тратятся, а вещи-медиаторы посредничают в деле производства дружбы.*

ЦИРКУЛИРУЮЩИЕ ВЕЩИ. Обменный фонд обычно составляют вещи, выделенные нами в группу «помещений для дружбы» и «информационных носителей». То есть это квартиры, куда регулярно ходят в гости, это информационные носители, которыми делятся (музыка, фильмы, книги и пр.); и пространство, и информация имеет свойство не убывать от использования. Циркулирующие вещи работают как видоизменяющийся «обменный фонд» для производства общих смыслов и моделей интерпретации. У каждого избирательного сообщества есть свой обменный фонд. Одно избирательное сообщество собирается в клубах, а другое — на стадионах. В одних дружеских сетях циркулируют фильмы и книги (случаи 1, 3, 6, 10, 13), в других — журналы мод и выкройки (случай 4, 14). Циркулирующие вещи при попадании в пространство дружеской фигурации не растрачиваются, а умножаются. Совместно просмотренный фильм обрывает опытом его обсуждения. Квартира, где происходила встреча друзей, приобретает особое значение в совместно создаваемом нарративе дружбы.

«РАСТРАТНЫЕ» ВЕЩИ. Другая группа вещей в практиках дружбы обладает свойством расходоваться (тратиться). Это алкоголь, еда, наркотики, бензин и деньги. Их функционирование в дружеских сетях отличается от практик взаимодействия с циркулирующими («обменными») вещами.

Это связано с тем, что «обменные» вещи обычно являются если не личными вещами, то почти всегда вещами «авторскими». Например, «тусовочная комната», где собирается компания, или музыкальный диск, принесенный для общего прослушивания кем-то из друзей, или, наконец, история, рассказанная на вечеринке.

«Растратные» вещи противопоставляются циркулирующим вещам по двум направлениям. Во-первых, они обычно имеют массовый характер, лишенный индивидуальных («авторских») особенностей. Это, например, бутылки пива, ординарная еда или бензин. Во-вторых, при включении в пространство дружеской фигурации они растрачиваются, становясь общими вещами: общими в том смысле, что уже

неделимыми, но разделяемыми совместно. Например, пустые бутылки или деньги, потраченные на совместное путешествие. Возможно, «растратные» вещи в преимущественной степени необходимы именно избирательным сообществам, в которых люди добровольно друг с другом что-то разделяют (растрачивают совместно). Бланшо отметил одну очень важную деталь, лежащую в основе потребности создавать избирательные сообщества. Он указал на тот факт, что неразделенный опыт не существует — «опыт невозможен для одиночки» (Бланшо, 1998: 35). «Растратные» вещи становятся тем материалом, который расходуется для производства общего опыта.

ВЕЩИ-МЕДИАТОРЫ. Третья категория вещей, которая важна в дружбе, — это вещи-медиаторы, через них поддерживается дружеская связь. В первую очередь, это телефонная сеть и Интернет. Они не являются ни «растратными», ни циркулирующими вещами. Латур замечает, что когда прибегают к нечеловекам, время сворачивается и имеет место глубокий временной сдвиг (Латур, 2004: 8). Вещи-медиаторы сворачивают время, необходимое для организации встречи, они дополняют дружескую сеть возможностью удаленного контакта. *Циркулирующие, «растратные» вещи и вещи-медиаторы в дружбе подчиняются разным правилам использования, поскольку им делегированы различные полномочия.*

Можно предположить, что той категории вещей, которую мы обозначили как циркулирующие вещи, делегируются полномочия символического нарратора. Например, музыкальный диск, переданный другу для прослушивания, несет в себе определенное послание — нарратив, который нуждается в работе по переводу. Это послание создает пространство для дружеского разговора. Помещение или пространство в данной ситуации может интерпретироваться как организатор, где собираются циркулирующие актанты. Если такого помещения нет, то избирательное сообщество начинает распадаться, поскольку дружба нуждается в регулярном общении лицом к лицу. То есть без «тусовочной комнаты» сложно собрать устойчивую фигурацию дружеских практик. Она формирует дружеское взаимодействие, указывая на то, когда, где и в каком составе будет собрано избирательное сообщество.

«Растратные» вещи в дружбе — это общие вещи. Им делегированы полномочия ритуальной жертвы, закладываемой в ходе дружеского потлача. Алкоголю, еде и бензину предписано ритуальное

уничтожение в процессе отправления дружеских практик. Они создают как бы «топливо» для дружеских разговоров.

Коммуникационным технологиям, как отдельной группе вещей-медиаторов, делегированы полномочия посредников в организации удаленного взаимодействия. Они отменяют необходимость соприутствия для взаимодействия между членами социальной сети. Вещи-медиаторы сворачивают время для организации дружеской коммуникации.

Таким образом, мы видим, что *избирательное сообщество друзей включает в себя большую группу нечеловеков, которые берут на себя определенные функции по организации, поддержанию и производству основной практики дружбы — дружеских разговоров.* Дружба делается с помощью вещей, которые регулярно тратятся, циркулируют или связывают в одну фигурацию избирательное сообщество актантов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Один из информантов отметил очень важное для нашего анализа правило. Он сказал, что «от совместных действий дружба укрепляется. Это вот ну... Это и есть базовые техники» (случай 15). Совместные, регулярно повторяемые практики друзей создают устойчивые фигурации для взаимодействия людей и вещей. Они стилистически разнообразны.

Развивая подход Элиаса, можно сказать, что *фигурация избирательного сообщества друзей — это определенная форма связи ориентированных друг на друга и взаимозависимых людей и артефактов.* Это устойчивая сеть взаимодействий людей и нечеловеков, которая отличается от родственных или коллегиальных сетей. Они состоят из разных наборов актантов и работают по-разному. Люди и вещи, объединенные в дружескую сеть, определенным образом собираются в некий «черный ящик», который наши информанты называют дружбой.

Подводя итоги, мы можем сказать, что базовой совместной практикой, которая осуществляется в «черном ящике» дружбы, является практика дружеских разговоров. Эти разговоры звучат в пространствах, наполненных вещами. Для практикования дружбы необходимо обладать некоторой совокупностью вещей, с помощью которых можно разговаривать, которые можно обменивать и тратить.

Получается, что *друзья* — это участники избирательного сообщества, которые владеют и оперируют определенными вещами, обмениваясь информацией и впечатлениями с наименьшими затратами на перевод.

Дружба производится как разговоры на особом языке (сообщения не нуждаются в дополнительном переводе). Дружеские разговоры осуществляются в двух регистрах: лично и опосредованно — через коммуникационные технологии. Эти разговоры должны происходить достаточно регулярно и лучше лицом к лицу. Обычно они происходят вечером или в выходные, во внерабочее время, и сопровождаются обменом циркулирующими вещами и уничтожением «растратных вещей». Дружба — это пазл из кухонных разговоров и алкоголя, книг и фильмов, телефонных звонков и общих праздников.

Наш анализ оставил за скобками много интересных аспектов производства дружбы, которые требуют более детального изучения. Например, мы исключили гендерное измерение дружеских практик, совсем не затронули тему организации властных отношений в дружеских сетях. Это интереснейшие направления развития темы.

Проведенный выше анализ был фокусирован на описании и интерпретации практик, лежащих в основании взаимодействия людей, которые называют себя друзьями. Благодаря подобному подходу мы упустили много важных гендерных, возрастных и статусных нюансов, но зато смогли дать фактически этнометодологическое определение понятию «дружба», выявив «следы», оставленные информантами в дневниках повседневной коммуникации. Правильность нашего определения должны проверить дальнейшие исследования.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абельс, Х. (1999), «Введение в символический интеракционизм Дж. Мид», в кн.: *Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию*, СПб.: Алетейя.

Барсукова, С. Ю. (2000), «Неформальная экономика и сетевая организация пространства в России», *Мир России*, 1, с. 52-68.

Барсукова, С. Ю. (2003), «Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств: теория и практика экономики дара», *Мир России*, 2, с. 81-122.

Бергер, П. (1995), «Общество в человеке», *Социологический журнал*, 2, с. 162-189.

Бергер, П., Лукман, Т. (1995), *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*, М.: Медиум.

Бланшо, М. (1998), *Неописуемое сообщество*, М.: МФФ.

Бойм, С. (2002), *Общие места. Мифология повседневной жизни*, М.: Новое литературное обозрение.

Бурдые, П. (2001), *Практический смысл*, СПб.: Алетейя.

Валитов, В. (2000), «Социальные сети российских эмигрантов и коренных жителей», *Социологический журнал*, 1/2, с. 112-120.

Вайль, П., Генис, А. (1996), *60-е: мир советского человека*, М.: Новое литературное обозрение.

Волков, В. (1997), «О концепции социальных практик(и) в социальных науках», *Социологические исследования*, 6, с. 9-24.

Герасимова, Е., Чуйкина (2004), С. «Общество ремонта», *Неприкосновенный запас*, 2 (34), с. 70-77.

Гидденс, Э. (2002), «Новые правила социологического метода», в кн.: С.П. Баньковская (ред.), *Антология: Теоретическая социология*, т. 2, М.: Книжный дом «Университет», с. 119-135.

Гидденс, Э. (2004), *Трансформация интимности*, СПб.: Питер.

Гладарев, Б. (2002), «Дневниковый метод в исследовании социальных сетей», *Социология*, 4М: 14, с. 53-69.

Гладарев, Б. (2006), *Трансформация условий и структур повседневной коммуникации пользователей информационных технологий (на примере мобильной телефонии)*, рукопись диссертации.

Голенкова, З.Т. (ред.), (1999), *Социальное расслоение и социальная мобильность*, М.: Наука.

Громова, Р.Г. (1998), «Социальная мобильность в России: 1985-1993 годы», *Социологический журнал*, 1/2, с. 15-39.

Здравомыслова, Е. (2002), «Сексуальное насилие: реконструкция женского опыта», в кн.: Е. Здравомыслова и А. Темкина (ред.), *В поисках сексуальности*, СПб.: Дмитрий Буланин, с. 316-337.

Зелизер, В. (2004), *Социальное значение денег: Деньги на булавки, чеки, пособия по бедности и другие денежные единицы*, М.: ГУВШЭ.

Латур, Б. (2004), «Где недостающая масса? Социология одной двери», *Неприкосновенный запас*, 2 (34), с. 5-19.

Латур, Б. (2006), *Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии*, СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Лелеко, В.Д. (2002), *Пространство повседневности в европейской культуре*, СПб.: СПб. гос. ун-т культуры и искусств.

Нильсен, Ф.С. (2004), *Глаз бури*, СПб.: Алетейя.

Ожегов, С. (1984), *Словарь русского языка*, 15 изд., стереот., М.: Русский язык.

Омельченко, Е. (2006), «Поп-культурная революция или перестроечный ремейк? Современный контекст молодежного вопроса», *Неприкосновенный запас*, 1 (45), с. 127-136.

- Осадчая, Г.И. (2002), «Стиль жизни молодых горожан: трансформация и региональная дифференциация», *Социологические исследования*, 10, с. 88-94.
- Рона-Тас, А. (1999), «Устойчивость социальных сетей в посткоммунистической трансформации Восточной Европы», в кн.: Шанин Т. (ред.), *Неформальная экономика. Россия и мир*, М.: Логос, с. 396-411.
- Роуз, Р. (2002), «Достижение целей в квазисовременном обществе: социальные сети в России», *Общественные науки и современность*, 3, с. 23-38.
- Тартаковская, И. Н. (2004а), «Социальные идентичности в социальных сетях», в кн.: Оберемко О. А. и Ожигова Л. Н. (ред.), *Социальная идентичность: способ концептуализации и измерения. Материалы Всероссийского научно-методического семинара*, Краснодар: Кубанский гос. ун-т, с. 223-246.
- Тартаковская, И. Н. (2004б), «Социальные сети и поведение на рынке труда», *Социологический журнал*, 1/2, с. 129-144.
- Тернер, Д. (1999), «Аналитическое теоретизирование», в кн.: А. Филиппов (ред.), *Теория общества. Фундаментальные проблемы*, М.: Канон-пресс-ц, Кучково поле, с. 103-156.
- Уэллман, Б. (2000), «Место родственников в системе личных связей», *Социологические исследования*, 6, с. 78-87.
- Хархордин, О. (2001), «Фуко и исследование фоновых практик», в кн.: О. Хархордин (ред.), *Мишель Фуко и Россия*, СПб.; М.: ЕУСПб; Летний сад, с. 46-81.
- Хархордин, О. (2006), «Предисловие редактора» в кн.: Латур Б., *Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии*, СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Чепурная, О. и Шпаковская, Л. (2005), «Алкоголь и секс: выпил, упал, очнулся? (Заметки о культурных контекстах пьянства)», *Неприкосновенный запас*, 5 (43), с. 93-100.
- Чураков, А. Н. (2001), «Анализ социальных сетей», *Социологические исследования*, 1, с. 109-121.
- Штейнберг, И. (1999), «Русское чудо: локальные и семейные сети взаимоподдержки и их трансформация» в кн.: Т. Шанин (ред.), *Неформальная экономика. Россия и мир*, М.: Логос, с. 227-239.
- Шюц, А. (1988), «Структура повседневного мышления», *Социологические исследования*, 2, с. 129-137.
- Элиас, Н. (2000), «Понятие фигурации», *Журнал социологии и социальной антропологии*, 3 (3), с. 62-65.
- Элиас, Н. (2001), *О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования*, т. 1, М.; СПб.: Университетская книга.
- Berkowitz, T. & Wellman, B. (ed.) (1988), *Social Structures: a Network Approach*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Burt, R. S. (1980), "Models of Network Structure", *Annual Review of Sociology*, 6, p.117-134.

Callon, M. (1995), "Four models for the dynamics of science", in: S. Jasanoff et al. (eds.), *Handbook of Science and Technology Studies*, London; Thousand Oaks: Sage.

Geser, H. (2004), *Towards a Sociological Theory of Mobile Phone*, <http://geser.net/home.html> — March. Release 3.0.

Gladarev, B. & Oblasova, A. (2002), "Ökonomische Driften und moralische Konsolidierungen Soziale Netzwerkbeziehungen im postsowjetischen Russland", in: E. Ditteich, I. Osvald & V. Voronkov (eds.), *Wandel alltäglicher Lebensführung in Russland: Besichtigungen des ersten Transformationsjahrzehnts in St Petersburg*, Hamburg: LIT, p. 65-86.

Latour, B. & Woolgar, S. (1986), *Laboratory Life. Construction of Scientific Facts*, 2nd ed., Princeton: Princeton University Press.

Latour, B. (1987), *Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers Through Society*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Latour, B. (1988), *The Pasteurization of France*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Latour, B. (2005), *Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory*, Oxford: Oxford University Press.

Таблица 1. Базовая информация об информантах¹

№ случая	возраст	гендер	семейное положение	образование	работа	годы жительство в СПб.	доход
1	24	ж	разведена, детей нет	Незаконченное — истфак СПбГУ	помощник редактора в издательской фирме	24	\$200
2	25	ж	гражданский брак, детей нет	Незаконченное — факультет менеджмента Института экономики, статистики и информатики (Москва)	домохозяйка	19	личного дохода нет (доход мужа \$2000)
3	28	ж	гражданский брак, сын	Высшее — филфак, РГПУ + курс китайского в ППУ (Пекин)	переводчик в торговой фирме, преподаватель РГПУ	28	\$200
4	28	ж	гражданский брак, детей нет	Среднее специальное — швейное училище	дизайнер в фирме изготавливающей дамские сумки	28	\$100
5	29	м	холост, детей нет	Высшее образование- физмат РГПУ	программист	29	\$1000
6	30	м	женат, детей нет	Высшее — инженер-технолог радиоэлектронных средств, Пермский технический университет + аспирантура Институт проблем управления (Москва)	программист в крупной компании + подрабатывает частными заказами на разработку веб-сайтов	0,5	\$350
7	28	м	холост, детей нет	Высшее — юрфак, Университета профсоюзов	консультант в юридической фирме	28	\$200

¹ В статье также использовались два интервью, взятые О. Гуровой. Дадим им последовательные номера: случай 15 — м., 35 лет, женат, в.о., директор IT-компании, и случай 16 — м., 37 лет, разведен, неоконч. в.о., технолог на мебельной фабрике.

Таблица 1. (продолжение)

№ случая	возраст	гендер	семейное положение	образование	работа	годы жительство в СПб.	доход
8	20	м	гражданский брак, приемная дочь	Среднее	системный администратор	20	\$400
9	23	ж	гражданский брак, детей нет	Высшее — истфак ВолГУ (Волгоград)	аспирантка СПбГУ	2	\$200
10	24	м	гражданский брак, детей нет	Высшее — истфак ВолГУ (Волгоград)	аспирант СПбГУ	2	\$200
11	19	м	холост, детей нет	Среднее	спортсмен, студент Высшей школы олимпийского резерва	19	\$550
12	20	ж	не замужем, детей нет	Среднее специальное — хореографическое училище (Ульяновск)	студентка Университета культуры, танцовщица в вальете	1	\$200
13	29	м	женат, дочь	Высшее — истфак СГУ (Самара)	компьютерный дизайнер	3	\$500
14	23	ж	не замужем, детей нет	Незаконченное высшее	студентка Химико-фармацевтической академии	5	\$150

Таблица 2. Сведения о персональных сетях информантов

№ случая	размер сети	размер сети недельного дневника	процент альтеров сети, попавших в дневник (%)	средний возраст	средняя продолжительность отношений	альтеры противоположного пола (%)	проживающие в СПб (%)	ближайшие альтеры (%)	коллеги (%)	родственники (%)	друзья (%)	приятели (%)	другое (%)
1	45	35	77,78	33,35	5,44	55,56	77,78	15,56	20	6,67	31,11	15,55	26,67
2	69	23	33,33	31,19	7,39	53,62	88,41	16,67	0	17,39	11,59	23,19	47,83
3	93	28	30,1	33,35		63,44	68,81	17,2	11,83	8,61	19,35	19,35	40,36
4	31	20	54,05	35,69	7,27	45,95	81,08	24,32	18,92	18,92	10,81	29,73	21,62
5	77	26	33,77	33,83	9,35	35,06	79,22	9,09	36,36	18,19	16,88	15,58	12,99
6	34	15	44,12	32,06	6,68	38,23	55,88	38,23	20,59	14,71	14,71	29,42	20,59
7	57	28	49,12	28,05	5,28	56,14	91,23	12,28	7,02	3,51	28,07	15,79	45,61
8	44	25	56,82	28,74	4,38	36,36	88,64	11,36	25	11,36	13,64	31,82	18,18
9	39	28	71,79	36,26	4,94	51,28	46,15	15,38	28,2	30,77	10,26	17,95	12,82
10	33	12	36,36	32,09	5,31	30,3	30,3	27,27	12,12	21,21	21,21	24,25	21,21
11	82	31	37,8	23,71	5,5	53,66	70,17	19,51	12,2	4,88	23,17	42,68	17,07
12	39	19	48,72	24,03	2,94	28,21	71,8	33,33	7,69	12,82	43,59	35,9	0
13	22	16	72,73	31,23	6,61	40,91	63,64	36,36	18,18	18,18	22,73	22,73	18,18
14	45	13	28,89	28,34	5,86	24,44	82,22	15,56	22,22	11,11	11,11	44,45	11,11
Все:	710	318	44,79	30,8	6	46,48	74,22	17,89	16,46	13,1	19,86	26,2	24,38

Таблица 3. Соотношение числа контактов «лицом-к-лицу» и дистанционных контактов за неделю по данным 14 дневников

№ случая	«лицом-к-лицу»	через совокупность ИКТ	стационарный телефон	мобильный телефон	SMS	электронная почта	факс	традиционная почта	ICQ и другие системы in real time	отношение числа ИКТ контактов к числу контактов «лицом-к-лицу»
1	15	35	15	7	6	6	0	0	1	2,1
2	10	87	23	50	14	0	0	0	0	8,7
3	24	47	26	13	6	2	0	0	0	1,9
4	17	37	21	15	1	0	0	0	0	2,2
5	16	40	17	8	11	4	0	0	0	2,5
6	19	28	2	12	1	5	0	0	8	1,5
7	21	61	30	24	5	1	1	0	0	2,9
8	16	35	6	13	5	4	0	0	7	2,2
9	13	38	11	9	9	5	0	4	0	2,9
10	8	30	6	5	8	11	0	0	0	3,7
11	25	26	7	13	6	0	0	0	0	1,04
12	2	43	4	21	16	0	0	2	0	21,5
13	38	25	1	17	3	2	0	0	2	0,6
14	4	22	9	7	5	1	0	0	0	5,5
Итого	228	554	178	214	96	41	1	6	18	2,4

Таблица 4. Корреляция между формой контакта и характером отношений с альтерами в процентах по материалам 14 дневников

Характер отношений	«лицом-к-лицу» (346*)	стационарный телефон (178)	мобильный телефон (214)	SMS (96)	электронная почта (43)	факс (1)	традиционная почта (6)	ICQ или другие системы in real time (27)
коллеги	22,26	1,68	2,81	1,04	11,63	0	0	7,41
родственники	19,36	30,9	42,52	25	9,3	0	83,33	0
друзья	27,75	43,26	35,51	54,17	44,19	0	16,67	29,62
приятели	19,65	16,85	14,49	18,75	30,23	0	0	55,56
другое	10,98	7,31	4,67	1,04	4,65	100	0	7,41

* Чтобы было понятнее, от какого количества контактов рассчитывается процент, в скобках указывается число контактов.

Схема 2. Форма записи информации об альтерах персональной сети

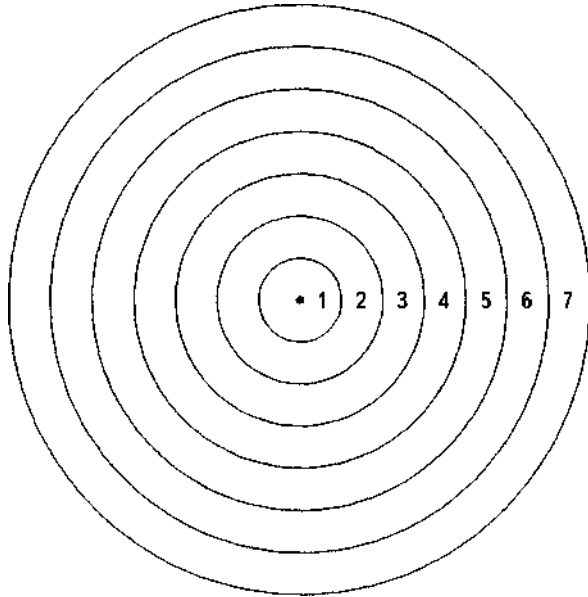
№ случая	альтеры	возраст	гендер	профессия	место жительства	место рождения	продолжительность знакомства	место и контекст первой встречи	если знакомство состоялось через кого-то — обозначить цепочку	описание природы отношений	близость отношений
----------	---------	---------	--------	-----------	------------------	----------------	------------------------------	---------------------------------	---	----------------------------	--------------------

Схема 1. Форма дневника повседневной коммуникации

Дата ____/____2004 г. Дневник социальной сети №

<p>1. Время контакта обозначьте время контакта, например: 23:10, если не помните точно, то обозначьте примерное время контакта, заключив его в скобки: (9:30)</p>	<p>2. Продолжительность контакта обозначьте длительность вашего общения по возможности точно, например: 15 минут</p>	<p>3. С кем был контакт условно обозначьте партнера инициалами или именем, например: Дима или Д.Т., важно, чтобы один и тот же человек все время обозначался одним «ником», а люди с одинаковыми именами каким-то образом отличались, например Саша К. и Саша М.</p>	<p>4. Форма контакта если общались лицом к лицу поставьте цифру 1, если по стационарному телефону — 2, по мобильному — 3, SMS-сообщение обозначьте цифрой 4, если пользовались электронной почтой — 5, факсом — 6, если традиционной почтой, то ставьте цифру 7, если ICQ или другими системами in real-time — 8.</p>	<p>5. Содержание и обстоятельства контакта обрисуйте содержание разговора, а также опишите, что вы делали и в какой обстановке, например: разговаривала с подругой Катей в кафе на Невском, говорили о ее новом бой-френде. В случае опосредованной коммуникации (телефон, электронная почта, факс и пр.) укажите откуда вы связывались, и в чем состояло основное содержание сообщения, например: посылала электронное письмо из дома коллеге М.Ж. с просьбой о помощи в поиске квартиры; или: звонил из маршрутки приятелю К., чтобы уточнить время нашей встречи в субботу.</p>	<p>6. Обозначьте место, где происходил контакт например: на работе, в транспорте, на даче.</p>
---	--	--	---	--	--

Схема 3. Схема «кругов близости»

Информанты размещали на схеме всех людей, входящих в индивидуальную социальную сеть. Принцип размещения основывался на субъективной оценке близости отношений:

1 — самые близкие

7 — самые эмоционально отдаленные (некоторые информанты выносили альтеров на поля за рамки кругов близости, что было закодировано цифрой 8 и означает фактическое отсутствие какой-либо близости).